

Смирнова Ирина Юрьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви, Институт российской истории РАН

Адрес: 117036, Российская Федерация, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

«Малабарское дело» 1825–1826 годов: к истории британской политики в Индии (конфессиональный аспект)*

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10001

В статье представлена реконструкция событий в Малабарском диоцезе Сиро-яковитской церкви, связанных с приездом в Траванкор в 1825 г. официального представителя патриарха Игнатия Георгия V мар Афанасия Абед аль Массиха, назначенного на Малабарскую кафедру, и возникшим в связи с этим конфликтом в сиро-яковитской общине.

На материалах архива Кингс колледжа в Кембридже исследовались такие аспекты истории церковно-миссионерского присутствия в Британской Индии, как межконфессиональные контакты между иерархами и клириками церкви Англии и Сиро-яковитской церкви, взаимодействие представителей церкви Англии, Церковно-миссионерского общества, британской администрации и правительства княжества Траванкор на Малабарском побережье. Изучались внутренние проблемы Малабарской церкви, послужившие предпосылками церковных нестроений.

В статье показано, что «малабарское дело» 1825–1826 гг. имело важное значение для дальнейшей британской колониальной политики, так как опыт миссионерской работы в Траванкоре использовался для выработки концепции англо-прусской епископии в Иерусалиме, деятельность которой по замыслу идеологов британской политики должна была распространиться не только на Святую Землю, но и на весь Ближневосточный регион.

Ключевые слова: Индия, Сиро-яковитская церковь, церковь Англии, миссионерство, межконфессиональные связи.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

«Малабарское дело» 1825–1826 гг. представляет собой один из малоизвестных эпизодов в истории Малабарского диоцеза Сиро-яковитской церкви¹ и британского колониального правления в Южной Индии. Оно связано с пребыванием в Траванкоре официального представителя Сиро-яковитского патриарха Игнатия Георгия V, митрополита мар Афанасия Абед аль Массиха (транскрипция по: *Нелюбов, 1999*, приезд которого вызвал серьезные нестроения в церковных кругах сиро-яковитов. Заметное влияние на развитие событий в Траванкоре² оказало Церковно-миссионерское общество (ЦМО), вмешательство которого во внутренние дела древневосточной церкви привело к изгнанию мар Афанасия из страны и вызвало разлад и полемику в британских церковных кругах, последствия которых отразились на всей британской церковно-миссионерской политике за рубежом.

В обширной историографии по истории Сиро-яковитской церкви в Малабаре (*Swanston, 1834, 1835; Pinnington, 1970; Bayly, 1984; Нелюбов, 1999; Brock, 2010; Velassery, 2013–2014; Kurien, 2014; Howard, 2014; etc.*) ни ход событий в Траванкоре, ни причины изгнания посланника патриарха отражения не нашли. Профессор Б.А. Нелюбов в своей работе, посвященной истории Малабарской церкви, лишь в самых общих чертах упоминает о пребывании мар Афанасия в Малабаре, опираясь на версию его противников — членов ЦМО³. Но и из краткого повествования, посвященного данному сюжету, можно видеть, что без участия англичан в делах сиро-яковитов не обошлось: «Англичане, видя, что снова назревает раскол, выгнали Афанасия и после смерти Филоксена II (1829) провозгласили Дионисия IV митрополитом» (*Нелюбов, 1999*). С позиций миссионеров рассматривает ситуацию в Траванкоре и Джозеф Джеральд в работе «Полубратья во Христе: церковное миссионерское общество и христиане Кералы» (*Howard, 2014. P. 31–33*), что объясняется обращением автора преимущественно к архивам ЦМО.

На вопрос, что же на самом деле произошло в церковных кругах Траванкора, каковы были мотивы тех или иных участников событий, и прежде всего британских светских и церковных представителей, позволяют ответить документы из личного фонда Джорджа Вильямса⁴ в архиве Королевского колледжа в Кембридже (*King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4 [далее – GW/4]*), где отложился массив документов, относящихся к истории малабарских событий 1825–1826 гг. Там же находится корреспонденция, связанная с деятельностью ЦМО в конце 1830-х — начале 1840-х гг.

1 Официальное название — Сирийская православная церковь или Сирийский православный патриархат Антиохии и всего Востока.

2 Историческая область Траванкор, расположенная на Малабарском побережье, занимала часть территории современных индийских штатов Керал и Тамилнад. В 1795 г. княжество Траванкор вошло в состав Мадрасского президентства Британской Индии.

3 «В ноябре 1825 г. от яковитского патриарха Антиохийского Георгия V прибыл епископ Афанасий Абед аль Массих, объявив себя законным митрополитом Сирийской церкви Индии. Он отлучил Дионисия IV и Филоксена II, затем совершил повторную хиротонию девятнадцати священников, попытался захватить семинарию, однако вовремя получил отпор» (*Нелюбов, 1999*).

4 Вильямс Джордж (*Williams George; 1814–1878*), капеллан церкви Англии; получил образование в Итоне и Кингс колледже (Кембридж), член Кингс колледжа (1835–1870); посвящен в сан в 1838 г.; в 1841–1843-м состоял членом англо-прусской епископии в Иерусалиме; в 1844–1845-м — капеллан в Кронштадте; в 1850-гг. занимал ряд должностей в Кингс колледже, с 1869-го — викарий в Рингфуде. С 1874 г. — почетный член кафедрального собора в Винчестере.

и приездом мар Афанасия в Англию в поисках пристанища и поддержки. Дополненные рядом писем англиканского епископа Калькутты Реджинальда Хебера (*Heber, 1828*), опубликованных его супругой Эмилией Шипли Хебер после кончины епископа 3 апреля 1826 г., эти документы позволяют реконструировать картину «малабарского дела», выявить роль общества, епископа церкви Англии Хебера, митрополита мар Афанасия, индийских иерархов Филоксена II и Дионисия IV и других лиц.

Приезд мар Афанасия в Индию

Митрополит мар Афанасий, рукоположенный Сиро-яковитским патриархом Антиохии и всего Востока Игнатием Георгием V в епископа Малабара (*Письмо мар Афанасия Абед аль Массиха. Лондон, 1839/1840. King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 17–18 [далее – GW/4]*), прибыл в Бомбей летом 1825 г., направляясь в Кочин и Траванкор в сопровождении архидиакона (рамбана) Авраама и имея на руках предписания патриарха, пребывавшего в то время в Мардине⁵. В циркулярном послании, адресованном «всем британским властям», патриарх поручал мар Афанасия и сопровождавших его лиц попечению британских резидентов областей, через которые им предстояло проезжать (*Циркулярное письмо патриарха Антиохии Игнатия Георгия V к британским властям в Индии. 1823 г. Heber, 1828. P. 467–469*). Там же было отмечено повсеместное «усердное содействие прославленной британской нации в делах веры, особенно в отношении сирийцев, и взаимная дружба, которая еще более приумножилась в последние годы» (*Ibid. P. 468*).

В Бомбее мар Афанасий имел аудиенцию у губернатора Маунтстюарта Эльфинстона, который признал его официальным представителем Сиро-яковитского патриарха (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 254*). Там же состоялось его знакомство с епископом Калькутты Реджинальдом Хебером, под патронатом которого действовали британские миссионерские общества в Индии (*там же*). Рекомендуя Афанасия руководителю британской миссии в Коттаяме Джозефу Фенну (1785–1835), епископ Р. Хебер отзывался о нем как о доброжелательно относящемся к англиканской церкви (*Письмо епископа Р. Хебера к пастору Дж. Фенну. Бомбей, 9 августа 1825 г. Heber, 1828. F. 238*). В письме к сэру Ч. Вильямсу Винну⁶ Хебер сообщил о совместном служении с сиро-яковитским и армянским иерархами в церкви св. Фомы в Бомбее:

«Они посетили церковь без приглашения и приняли причастие из моих рук; по такому случаю я уступил свою кафедру, и мы по-братски обнялись у церковных врат после службы» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 453–454*).

Из беседы с митрополитом епископ Хебер заключил, что тот совершенно не знаком с церковной ситуацией в Малабаре:

⁵ Мардин – город на юго-востоке Турции, столица одноименной провинции.

⁶ Сэр Чарльз Ваткин Вильямс Винн (1772–1840), валлийский землевладелец и политик (тори), член Палаты общин (1794–1840), глава Совета по контролю в Индии.

«Он не знал, что сейчас у них уже имеется епископ, и знает лишь, что примерно пятнадцать лет назад епископ, посланный Антиохией, был отвергнут ими по причине, как он сам сказал, отсутствия необходимых рекомендаций, которыми сам он обладает» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Бомбей, 9 августа 1825 г. GW/4. F. 239*).

В связи с тем что диоцезом Малабара управляли местные иерархи — Филоксен II и викарный епископ Дионисий IV, трудно было предугадать, как будут развиваться события: Хеберу не удалось выяснить, претендует ли мар Афанасий на кафедру вместо Филоксена, или оба иерарха смогут «действовать в согласии». Не очевидной была и реакция со стороны общины, а потому, извещая Фена об отправлении мар Афанасия «в его часть Индии», Хебер просил «действовать с некоторой долей осторожности, выступая посредником между разными мнениями» (*Ibid. F. 238v*).

Предвидя осложнения в Малабаре, епископ рассматривал два возможных сценария, в зависимости от того, какой прием окажут патриаршему посланнику члены Малабарской церкви: в случае благожелательного отношения к мар Афанасию Хебер считал делом первостепенной важности «впечатлить его положительными отзывами об англичанах и их отношении к его пастве» в расчете на то, что меры, которые были предприняты ими ради яковитов, «найдут в его лице ценную поддержку». Если же приезд сирийского владыки станет поводом для споров, от миссионеров требовалась предельная деликатность и осторожность, чтобы «не навредить нашим интересам в рамках этой церкви». Рассчитывая на поддержку и понимание миссионеров, английский прелат просил Дж. Фенна «не вмешиваться ни во что иначе, чем в роли миротворца и доброго посредника» (*Ibid. 239–239v*).

Однако дальнейшее развитие событий показало, что руководство ЦМО и епископ с его клиром преследовали различные интересы. Как позже отмечал Милль, «взгляды епископа Хебера не разделяли те, кто должен был бы им следовать более других» (*Ibid. F. 254v*).

Церковная ситуация в Малабаре

Предпосылки церковного конфликта в Малабарской церкви были заложены в самой системе ее управления при колониальном правлении. С конца XVIII в. Малабарский диоцез, подчиненный Сиро-яковитскому престолу, возглавляли индийские иерархи, которых утверждало правительство Траванкора. В условиях удаленности от патриарха, находившегося в Сирии, малабарские митрополиты претендовали на автономию их церкви от Антиохийского престола, а потому прибывавших в Траванкор патриарших ставленников воспринимали как нежеланных иностранных пришельцев, что приводило к нестроениям и разладу (*GW/4. F. 237v*).

Так, когда в середине XVIII в. (1751) в Малабар прибыли епископы от патриарха — мар Григорий из Иерусалима (1751–1773), мар Василий Маферан (1751–1753) и мар Иваний (1751–1794), которые встретили сопротивление со стороны «амбициозного индийского епископа» мар Фомы V (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Копия. Б. д. [1826]. GW/4. Ff. 252–252v*) и его племянника, будущего митрополита Фомы VI, «так и не получившего хиротонии во епископа от присланных патриархом Антиохийским архиереев» (*Нелюбов, 1999*), но рукоположенного мар Фомой V. По прошествии восемнадцати лет споров и разногласий

антиохийские митрополиты «подчинили младшего индийского епископа своей воле», и мар Григорий возвел его в митрополиты с именем Дионисий.

Однако, недовольный тем, что Дионисий отказался выполнять обещание и выплачивать Григорию необходимое содержание, последний возвел также в сан митрополита епископа Кирилла, рукоположенного еще мар Василием за преданность сирийским прелатам в то время, когда тот был еще «молодым индийским священником», а потому в Малабаре его признавали «истинным епископом, рукоположенным мар Василием» (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. Ff. 252v*). Дальнейшие рукоположения (после Кирилла I и Дионисия) совершались местными митрополитами без присутствия других иерархов.

В британских документах признается доказанным, что ставленник Кирилла его брат «Кирилл [II] перед своей смертью в 1805 году рукоположил другого священника, под именем Филоксена (мар Филоксен I, 1802), который, в свою очередь, в 1811 году рукоположил мар Филоксена [II]» (*Ibid. Ff. 251–253*).

Таким образом, вопрос о каноничности рукоположения местных иерархов и соблюдении законного преемства был принципиальным для Сиро-яковитской церкви в Малабаре и требовал специального исследования, что отчасти «тщательно и строго» было осуществлено епископом Р. Хебером и нашло отражение в переписке по «малабарскому делу» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну к Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 453*).

На момент приезда Афанасия в Траванкоре было два митрополита — Филоксен II и рукоположенный им Дионисий IV, который выполнял обязанности викарного епископа до самой кончины Филоксена в 1829 г., а впоследствии возглавил Малабарскую церковь.

Епископская хиротония без соблюдения канонических правил, как совершенная в присутствии лишь одного митрополита (*Отчет Дж. Ламбика о миссии в Траванкоре. Котта, 8 октября 1832 г. GW/4. F. 263*), ставила малабарских митрополитов в уязвимое положение. Среди их сиро-яковитской паствы сохранялась уверенность, что Филоксен II «ложно утверждал, будто рукоположен своим предшественником, который к приезду того уже умер, и что на самом деле он сам рукоположил себя рукою мертвеца» (*Нелюбов, 1999*).

Как показано в работе Б.А. Нелюбова, подобный случай действительно имел место в Малабарской церкви, но был связан с рукоположением не Филоксена II, а мар Фомы VIII, племянника рукоположенного мар Дионисием Фомы VII. Последний управлял епархией не более года — с мая 1808 по 1809 г., когда умер от болезни, после чего «рукой умирающего Фомы VII» рукоположили Фому VIII, что и «вызвало сомнения в авторитете его хиротонии» (*там же*). Однако после смерти последнего (10 января 1816 г.), а вскоре и его преемника Дионисия II (24 ноября 1816 г.) митрополитом Малабара был избран Филоксен II, к хиротонии которого (как и Дионисия IV) «умирающий епископ» отношения не имел.

Епископ Р. Хебер, со слов миссионеров, давал обоим иерархам высокую оценку как в нравственном, так и в административном отношении, отметив, что «оба они, особенно первый, люди высоких черт характера, оба благочестивы и обладают типичным для восточных монахов уровнем познания» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 453*). Тем не менее Хеберу было известно, что в 1825 г. в Европе появились публикации, «отмеченные скандальными перегибами», касавшимися индийских владык.

Так, один из первых капелланов Ост-Индийской компании д-р Клавдий Бьюкенен, посетивший сиро-яковитские церкви, в беседе с мар Дионисием первым поднял вопрос о возможности соединения Малабарской церкви с церковью Англии «ради прогресса христианства в Индии и о прочих реформах в Церкви» (*Нелюбов, 1999*). Но тот же Дионисий в конце голландского правления прилагал усилия к объединению яковитов путем подчинения их Римскому престолу, что, возможно, обратило внимание патриарха на публикацию Бьюкенена и привело к отправлению мар Афанасия в Малабар (*там же*).

Между тем эпизод из истории взаимоотношений местных иерархов с их сирийскими конкурентами во второй половине XVIII в. показывает, что при определенных условиях мир и согласие между ними вовсе не были невозможны, по крайней мере, «когда сирийский прелат в середине 1825 г. проследовал в Малабар, местный клир и люди были уже готовы принять его» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. Ff. 254–254v*). Не исключено, что ход «малабарского дела» мог пойти по тому же пути, если бы не вмешательство ЦМО.

Церковно-миссионерское общество, британская администрация и правительство Траванкора

Распространение миссионерской деятельности в Южной Индии было связано с управлением Ост-Индской компании в Мадрасе, и прежде всего с именем сэра Томаса Манро⁷, назначенного в 1819 г. губернатором Мадраса. К его заслугам относится реформирование системы управления в Мадрасском президентстве, включая юридическую, налоговую и полицейскую службы, которое ему поручили в 1814 г. Тогда же начало работу в Южной Индии Церковно-миссионерское общество⁸, получив в 1814 г. разрешение британского правительства на миссионерскую деятельность в княжествах, расположенных на территории Британской Индии.

В течение первых двух лет были основаны миссионерские станции в Мадрасе, Бенгалии, Кочине, Керале. Инициатором миссионерской работы в Траванкоре стал полковник Джон Манро⁹, тезка прославленного губернатора Мадраса, бывший в 1810–1819 гг. резидентом Траванкора и Кочина. Авторитет полковника был столь велик, что он несколько лет занимал пост дивана (премьер-министра) в правительствах Траванкора и Керала (как здесь не вспомнить слова Р. Киплинга о неограниченном влиянии британского правительства, способного «изменять порядок престолонаследия и назначать новых наследников престола» (*Киплинг, 1990. С. 270*)).

В результате обращения Дж. Манро к Церковному миссионерскому обществу с просьбой прислать миссионеров для обучения клириков Малабарской церкви в Коттаям, где находилась резиденция митрополита, в 1816 г. прибыли первые сотрудники общества, посвятив себя главным

⁷ Сэр Томас Манро (Thomas Munro; 1761–1827) – британский военный и колониальный администратор; офицер армии Ост-Индийской компании; генерал-майор; с 1820 г. губернатор Мадраса, 1-й баронет Линдертиса (графство Форвар, Шотландия; 1825). Умер от холеры во время поездки по округам.

⁸ В 1799 г. было создано британское Общество для миссий в Африке и на Востоке, переименованное в 1812 г. в Церковно-миссионерское общество.

⁹ Генерал Джон Манро (1778–1858), шотландский военный и колониальный администратор, резидент и диван в княжествах Траванкор и Кочин в 1810–1819 гг.

миссионерским обязанностям — переводческой и образовательной деятельности. Среди них были Томас Нортон (1816), Бенджамин Бейли с супругой (1817), Джозеф Фенн (1818), Генри Бейкер (1819) и др.

При поддержке Манро Бейли перевел Библию на малайялам; Томас Нортон основал школу ЦМО в Аллеппи. Созданные миссионерами и их женами школы для туземных девочек и мальчиков заложили основы системы начального образования с высоким уровнем грамотности. Не имея возможности контролировать бюджет семинарии, миссионеры тем не менее имели в своем распоряжении особые средства, предназначенные для поддержки студентов, а именно доходы с острова Манро, названного в честь резидента (*Отчет Дж. Ламбика о миссии в Траванкоре. Котта, 8 октября 1832 г. GW/4. Ff 264–264v*).

Благодаря Манро у миссионеров установились самые тесные связи с правительством Траванкора, главой которого (или королевой, как называли ее члены ЦМО) была махарани Говри Парвати Бай (1802–1853), в 1815–1829 гг. являвшаяся регентом при своем малолетнем племяннике Свати Тирунал до достижения им шестнадцатилетнего возраста.

О правлении Говри Парвати Бай в Траванкоре сохранилась самая добрая память. Ее называли просвещенной и мудрой правительницей, среди многочисленных нововведений которой была и реформа государственного университетского образования, положившая начало современному образованию в Траванкоре, где впервые официально признано государством право на бюджетное образование из государственных доходов (*V. Nagam Aiya. The Travancore State Manual, 1906*). Женщины княжества обязаны ей улучшением своего положения, которое уже тогда существенно отличалось от положения британских женщин в первые годы правления королевы Виктории.

К правлению махарани относится и улучшение прав христианских подданных Траванкора: ею были пожертвованы земли под строительство христианских церквей, а также деньги и древесина на постройку сирояковитской семинарии; с ее именем связано распространение в Траванкоре христианского миссионерства. Эти и другие меры осуществлялись при содействии и под воздействием полковника Манро.

Говоря о вкладе Дж. Манро в христианизацию страны, епископ Л. Браун отмечал такие правительственные меры, принятые при содействии британского резидента, как освобождение сирояковитов от политических репрессий, от необходимости участвовать в индуистских религиозных церемониях и в общественных работах по воскресеньям, от обязанности платить налоги в буддийские храмы. Позже Манро добился разрешения избирать христиан судьями в правительственные суды (*Browning, 1956*).

Реализуя целый ряд своих проектов в Траванкоре, миссионеры делали ставку на местных митрополитов, которые, по деликатному выражению Милля, «в течение необычно долгого молчания со стороны Сирии выполняли функции священноначалия» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 254v*). Находясь в тесных контактах с Филоксеном II и Дионисием IV, а также с правительством княжества, миссионеры фактически подчинили церковь в Малабаре своему влиянию. При этом Милль отмечает, что, несмотря на то что яковиты в Траванкоре «восемь лет находились под управлением английских священников», направленных Церковным миссионерским обществом, «их влияние хотя и было очень значительно, но в то же время внешне» (*Ibid.*).

* Здесь и далее курсив мой. — И.С.

Аналогичного мнения придерживался и каноник Дж. Ламбик, связывавший успехи и влияние миссионеров с авторитетом светской власти, который они приобрели благодаря Дж. Манро, занимая посты в правительстве или распределяя их по своему усмотрению. Ламбик пришел к заключению, что «создаваемое миссией тогда благополучное впечатление было обманчивым»:

«Благонамеренное стремление полковника Манро придать миссионерам должный вес среди сирийцев сделало их положение ложным и силою обстоятельств завело их туда, куда бы по своей воле они никогда не зашли» (*Отчет Дж. Ламбика о миссии в Траванкоре. Котта, 8 октября 1832 г. GW/4. Ff. 263 об.–264*).

Характерно, что это мнение принадлежит человеку, являвшемуся членом ЦМО и выполнявшему по поручению секретаря общества инспекцию деятельности миссионеров в Малабаре.

В этом отношении приезд мар Афанасия в Коттаям в ноябре 1825 г. представлял своего рода угрозу не только для малабарских иерархов, но и для миссионеров. Не удивительно, что, несмотря на признание сирийского митрополита местными сиро-яковитами, в Коттаяме разгорелся конфликт.

События в Малабаре

Точная дата прибытия мар Афанасия в Коттаям не известна, но из переписки миссионеров видно, что к 27 ноября 1825 г. тревожные вести из Траванкора достигли Калькутты (*Из записок Дж. У. Дорана. Калькутта, 27 ноября 1825 г. GW/4. Ff. 256–257v*).

Дж. Фенн, заблаговременно предупрежденный о приезде митрополита епископом Р. Хебером, немедленно обратился к местным иерархам, клирикам и мирянам Сирийской церкви за сведениями о церковных порядках в случае прибытия иностранного митрополита и о возможных последствиях подобного визита (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258*). Его уверили, что

«никаких канонических сложностей возникнуть не должно; местные митрополиты руководили бы всеми событиями Церкви, пользуясь советами иностранного митрополита, который спокойно пребывал бы в одной из церквей, не вмешиваясь в управление Церковью и не получая никакого дохода, помимо простой пищи» (*Ibid.*).

Позже Фенн сообщил епископу Хеберу, что 29 декабря 1825 г. митрополит Филоксен «немедленно собрал церковный собор из клириков епархии для обсуждения последствий приезда мар Афанасия и принятия соответствующих мер» (*Ibid.*). К приезду мар Афанасия митрополичья резиденция оказалась опечатанной, а «оба митрополита отсутствовали» (*Письмо Хоу к Дж. М. Стрэчену. Неилгири, 8 января 1826 г. GW/4. F. 235v*). Получив отказ митрополита Филоксена «прибыть по зову митрополита-иностранца» (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258*), мар Афанасий провел епархиальное собрание, на котором присутствовали по одному клирику и один или двое из мирян от каждой церкви. По словам одного из сотрудников Фенна — Райана, вскоре покинувшего Коттаям из-за

несогласия с руководством, на собрании было зачитано письмо патриарха, после чего «все как один, почти единогласно и совершенно добровольно признали Афанасия и что все люди на его стороне» (*Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. [Б. м.], 27 марта 1826 г. GW/4. F. 235*).

Мар Афанасий отказался признать каноничной хиротонию Филоксена II и Дионисия IV, которые, по его убеждению, «притворялись, но не являлись епископами, о чем знали клир и община» (*Письмо мар Афанасия Абед аль Массих. Лондон, 1839/1840. GW/4. Ff. 17–17v*). Получив поддержку большей части клира и мирян, Афанасий предал анафеме восставших против него митрополитов, запретив какое-либо общение с ними под страхом церковного отлучения (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. Ff. 254v–255*). Девятнадцать клириков, признавших «в недостойном рукоположении» (то есть состоявшихся после 1803 г., когда умер «последний истинный епископ Малабарский»), Афанасий рукоположил повторно.

Позже в письме к Хеберу мар Афанасий выразил недовольство по поводу приема, оказанного ему в Коттаяме (по словам Райана, «по прибытии Афанасия его оставили без внимания: оба епископа отсутствовали, и его потребности как иностранца не были удовлетворены как следует» (*Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. [Б. м.], 27 марта 1826 г. GW/4. F. 235*)). Жаловался он и на отношение к нему английских священников из ЦМО, а также на «человека, который является повелителем земли, даже Траванкора» (как полагал епископ, речь шла о премьер-министре или британском резиденте) (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 454*).

Вопреки рекомендациям Хебера, миссионеры открыто демонстрировали свою приверженность местным иерархам, предоставив им полную поддержку резидента и правительства. Если с самого начала отношение членов Миссионерского общества к прибывшему из Сирии иерарху было настороженным (по-видимому, в надежде на то, что он согласится «не вмешиваться в управление Церковью и не получать никакого дохода» (*ibid. P. 458*)), то после анафематствования местных митрополитов появились высказывания, что «сам сатана задумал нечто ужасное против этой интересной миссии» (*Письмо Хоу к Дж. М. Стрэчену. Нилгири, 6 января 1826 г. GW/4. F. 256v*). В вину мар Афанасию и его архидиакону вменялось «серьезное нарушение существующих правил», настроившее против них всех священников общества. Помимо целого ряда обвинений, их называли «подстрекателями в стране» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 454*), что не могло не вызвать соответствующей реакции.

Едва сведения из Коттаяма достигли Нилгири, где в тот момент находились не только члены комитета ЦМО, но и резидент Траванкора полковник Ньюолл, стало очевидно, что шансов остаться в Траванкоре у сирийского владыки и его архидиакона практически нет. Как писал из Нилгири капеллан Хоу: «Очень маловероятно, что их тут потерпят дольше» (*Письмо Хоу к Дж. М. Стрэчену. Нилгири, 6 января 1826 г. GW/4. F. 256v*). В свою очередь, епископ Хебер записал в дневнике 5 февраля 1826 г.:

«Получил очень неприятный отчет о новом сирийском архиепископе в Траванкоре, вступившем в открытую войну с двумя митрополитами и английскими миссионерами, которые до настоящего момента поддерживали их» (*Heber, 1828. P. 274*).

Циркулярное послание мар Афанасия с запрещением мар Филоксена II и его викария было передано дивану Траванкора, от которого к Афанасию был направлен начальник полиции с бумагой, напоминавшей о признании назначения Филоксена в качестве предстоятеля малабарской общины для «управления некоторыми делами сирийцев» (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. Ff. 258–258v*). В случае неподчинения диван угрожал сиро-яковитам недовольством правительства (*Ibid. F. 258*). Идействительно, со стороны махарани и резидента последовало решительное воспрещение Афанасию выполнять его обязанности с угрозой высылки из страны (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 454*) «по причине агрессивного и незаконного поведения» (*GW/4. F. 245v. – 246*). По убеждению Милля, правительство решилось на санкции в отношении сиро-яковитского митрополита «под влиянием влиятельного лица, британского резидента, в то время пребывавшего в Нилгири» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 255*).

Резиденция митрополита была окружена полицией, сам он был арестован и выслан из княжества. И хотя его предупредили об ожидаемом в мае приезде епископа Хебера, рекомендуя оставаться в соседнем Кочине, Афанасий заявил о намерении вернуться в Сирию (*GW/4. F. 245v. – 246*).

Впоследствии некоторые члены ЦМО расценивали высылку митрополита Афанасия как событие, «глубоко засевшее в памяти всех» (*Отчет Дж. Ламбика о миссии в Траванкоре. Котта, 8 октября 1832 г. GW/4. Ff. 263*) и убедившее яковитов Траванкора в непосредственной причастности к «малабарскому делу» британских миссионеров. Об этом свидетельствовал и тот факт, что некоторые сиро-яковитские священники из тех, кто признал Афанасия, были жестоко наказаны. «Десять или двенадцать катанаров выволокли из домов и бросили в общую тюрьму в Зуилоне, продержав их там 10 месяцев и выпустив лишь по уплате большого штрафа». Все это еще более укрепило яковитов в мнении, что «без помощи миссионеров это вовсе не могло свершиться» (*Ibid. Ff. 263–263v*).

В том, что на ход событий в Коттаяме повлияли интриги миссионеров, не сомневался и мар Афанасий, с той лишь разницей, что возлагал вину на миссионеров американских (*Письмо мар Афанасия Абед аль Массих. Лондон, 1839/1840. GW/4. Ff. 17–17v*). Столкнувшись с пренебрежительным отношением к его сану митрополита, а также с «презрением к авторитету епископа Хебера и патриарха Антиохийского», мар Афанасий пришел к заключению, что так поступить могли только американцы, у которых «не принято почитать епископов». По словам Милля, «он не мог осознать, как возможно для священника, признающего власть епископа, презреть авторитет собственного епархиального начальства, как сделали эти миссионеры» (*GW/4. F. 18*).

Выяснить позицию британских миссионеров и выявить роль Церковно-миссионерского общества в «малабарском деле» позволяют документы из личного фонда Дж. Вильямса.

Роль Церковно-миссионерского общества в инициировании церковных нестроений

Отношение к мар Афанасию со стороны миссионеров откровенно выразил в своих письмах капеллан Хоу, обвинявший мар Афанасия в нарушении привычного порядка вещей. По настоянию Хоу Джозеф Фенн остался

в Коттаяме, где его присутствие комитет общества полагал «более, чем когда-либо, необходимым» (*Письмо Хоу к Дж. М. Стрэчену. Нилгири, 6 января 1826 г. GW/4. Ff. 256–256v*). Фенн поддерживал связь с ближайшим окружением местных иерархов и выступал в роли «советника» для обеих сторон. Так, он дал мар Афанасию заведомо проигрышный совет — обратиться с апелляцией относительно законности рукоположения Дионисия и Филоксена к правительству Траванкора, с одобрения которого состоялось в свое время утверждение Филоксена в качестве правящего архиерея (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258*).

Когда же Филоксен, обеспокоенный тем, что «до правительства страны могут дойти слухи о действиях мар Афанасия через кого-нибудь, кроме него», обратился к тем же миссионерам, он получил аналогичный совет: «Подать правительству заявление с просьбой провести в Церкви «законное расследование, приводящее к конкретному решению» (*Ibid. F. 258v*). В итоге Филоксен получил подтверждение своего назначения правительством Траванкора, которое «не слыхало об Афанасии, но знало Филоксена, хотя и не имело с последним никаких дел, а лишь утвердило его в качестве официального главы христианского сообщества» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 254v*).

Все эти «катастрофические», по оценке представителей английской церкви, последствия, в результате которых мар Афанасий вынужден был покинуть Траванкор, стали результатом данных миссионерами рекомендаций (*Ibid. GW/4. F. 254v*).

Но помимо «подачи советов» и содействия принятию «конкретных решений» использовались и иные способы вмешательства миссионеров в «малабарское дело», приведшие к выдворению мар Афанасия из Траванкора. В частности, для предотвращения контактов епископа Хебера с мар Афанасием миссионеры прибегли к такой мере, как блокирование их переписки.

Обеспокоенный известиями из Коттаяма, епископ Хебер во избежание столкновений спешил проинструктировать мар Афанасия, как следует поступать в отношениях с местными сиро-яковитами и их духовным начальством. Письмо было отдано Джону Дорану, направлявшемуся из Калькутты в Траванкор, с тем, чтобы, доставленное без промедления, оно «предотвратило отъезд мар Афанасия из страны и уврачевало нестроения и схизмы», возникшие в Малабарской церкви (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 249v*).

Когда же в конце февраля 1826 г. епископ Реджинальд прибыл в Мадрас «по приглашению южной части епархии» (*Ibid. F. 250*), он нашел там Дорана, узнав, к своему удивлению (и огорчению), что письмо к мар Афанасию (а вместе с ним и письмо представителя Иерусалимского патриарха Армянской церкви Абрагима Абуны) все еще не отправлено.

Доран оправдывался тем, что принял письмо за рекомендательное, которое следовало доставить лично, и потому хранил его у себя на протяжении двухмесячной задержки в Мадрасе (*Записка У.Х. Милля. [Б. м., б. д.]. GW/4. Ff. 245–245v*). Однако в одном из писем он писал, что, когда прибыл в конце декабря в Мадрас, ему настоятельно рекомендовали задержаться, «пока ситуация не прояснится». Комитет общества объяснял это тем, что «присутствие чужака могло вызвать волнения и, более того, вынудить того принять одну из сторон, что в конечном итоге было бы пагубным решением» (*Письмо Дж. У. Дорана к Н. 14 марта 1826 г. GW/4. F. 256–256v*).

4 марта 1826 г. письма вновь были отправлены в Траванкор, на этот раз на имя Джозефа Фенна для вручения мар Афанасию. Были посланы и другие письма, в которых епископ призывал «всех своих детей во Христе почтить древние каноны и обычаи Сирийской церкви и признать мар Афанасия законным главой и митрополитом правоверных индийцев в Малабаре» (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 250*).

Тем временем в Мадрасе Хебера нашло письмо мар Афанасия с описанием малабарских событий, направленное сначала в Калькутту и лишь потом пересланное в Мадрас. В ответном письме, от 22 марта, епископ призывал «сиро-яковитского собрата» дожидаться его приезда, выражая готовность выступить «посредником между ним и жителями Траванкора, поддерживающими индийских епископов» (*ibid. F. 250v*). Однако ни повторное письмо, ни письмо от 22 марта так и не были доставлены, и, по убеждению Робинсона, это было сделано сознательно.

«Меня весьма беспокоит задержка Фенна в доставке Афанасию письма нашего епископа, — писал он Миллю. — Он так долго медлил, что, когда епископ написал повторно, чтобы заставить его доставить письмо немедленно, кажется, было уже слишком поздно».

В отношении второго письма сомнений у капеллана не оставалось: «Оно, конечно, также не будет доставлено, хотя оба могли бы быть доставлены, если Афанасий все еще в Кочине» (*Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. 27 марта 1826 г. GW/4. F. 235v*). Действительно, письмо прибыло в Коттаям после ареста мар Афанасия, и в этих обстоятельствах Фенн не решился передать его Афанасию (*Записка У.Х. Милля. GW/4. F. 245v.–246*). При этом письмо не было отправлено и в Кочин, где митрополит оставался в течение продолжительного времени. Особенно возмутил Робинсона тот факт, что миссионеры оставили Хебера в неведении о судьбе его посланий:

«Мар Реджинальду не сообщали, что его письмо не доставлено еще много дней после его доставки в Траванкор. Эти новости были сообщены епископу лишь после Пасхи в Танджоре, когда ничего сделать было уже нельзя. Второе письмо, написанное, как я отметил, через двадцать дней после первого, было доставлено с еще меньшим успехом, спустя много дней после доставки в Траванкор» (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 251v*).

Между тем из Коттаяма на имя епископа беспрепятственно поступали письма Фенна с самыми нелестными отзывами о мар Афанасии как о человеке, «демонстрирующем извращенный и вспыльчивый характер» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 242v*) и «агрессивное и незаконное поведение» (*Записка У.Х. Милля. [Б. м., б. д.]. GW/4. F. 245v*). Аналогичные письма писались и в другие места, формируя негативное мнение о митрополите-иностранце, осуществлявшем «незаконную деятельность» (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258v*).

Впрочем, настойчивые уверения в агрессивном поведении мар Афанасия опровергались самими же членами общества. Так, Райан отмечал популярность Афанасия среди членов сиро-яковитской общины (*Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. 27 марта 1826 г. GW/4. F. 235*), отрицал он и якобы свойственные митрополиту и его архидьякону «акты ярости, агрессии и алчности», которые приписывали им Фенн и его сторонники (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 244–244v. См. также: Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. 27 марта 1826 г. GW/4. F. 235*).

Таким образом, внутренняя переписка миссионеров убеждает в том, что заявления о «совершенном невмешательстве» (*Записка Дж. Фенна. Лондон, 1841 г. Ibid. F. 237v.–238*) общества в дела Сиро-яковитской церкви не выдерживают никакой критики.

Позиция Церковно-миссионерского общества в отношении Малабарской церкви

В малабарском сюжете в полной мере проявилась формальность отношений между Церковно-миссионерским обществом и церковью Англии. Несмотря на то что британские миссии в Индостане находились в юрисдикции епископа Калькутты и состояли на тот момент, по словам самого Хебера, «в единстве с англиканской церковью» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 451*), в отношении Малабарской церкви руководство миссии в Траванкоре и епархиальное начальство ставили разные цели и придерживались различных стратегий.

Оказавшись в Траванкоре в благоприятных условиях, пользуясь всемерным содействием британских резидентов, подчинив своему влиянию и правительство княжества, и местных митрополитов, миссионеры получили возможность беспрепятственно реализовывать различного рода проекты в нужном обществе направлении. В этих обстоятельствах появление нового официального и влиятельного лица могло привести к кардинальным изменениям всей системы церковно-правительственных отношений, на что указывал Хоу уже в самом начале конфликта:

«Если мы должны слушаться распоряжений этого человека [мар Афанасия], то все акты, изданные за последние девятнадцать лет, должны быть аннулированы, хотя они одобрены руководством общества и правительством и охватывают период, за который в Церкви было сделано больше, чем за все предыдущие годы со дня ее основания» (*Письмо Хоу к Дж. М. Стрэчену. Нилгири, 6 января 1826 г. GW/4. F. 256v*).

Все меры, предпринятые членами Церковно-миссионерского общества в Траванкоре, — контроль за ситуацией, задержка (а вернее, блокировка) примирительных посланий епископа, создание негативного имиджа мар Афанасия в правительственных и церковных кругах — были направлены на сохранение status quo: не допустить смены руководства Малабарской церкви. И наиболее надежным способом для этого было удаление мар Афанасия из Траванкора.

Пользуясь затруднительностью сообщения сиро-яковитов с патриархом, общество предпринимало усилия к реформированию Малабарской церкви, считая это «вопросом особого интереса и важности» (*Письмо Дж. Фенна*

к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258v). Стратегия общества заключалась в «поддержании максимально возможной независимости разных церквей», Малабарской и Антиохийской, называя этот курс не только политическим, но и традиционным, руководство принимало во внимание методы работы своих голландских и португальских предшественников (*Ibid.* F. 258v).

Еще более откровенно выразил позицию общества Ч. Сванстон в сентябре 1826 г. в письме к Т. Робинсону, где впервые были показаны истинные намерения общества в отношении яковитов:

«Протестантский епископ Индии должен объявить себя их главой и принять на себя руководство Церковью. Тогда и только тогда эта примитивная Церковь сможет, вероятно, расцвести. ... Чистое христианство с этого момента быстро распространится по всему Малабару» (*Выдержка из письма Сванстона к Т. Робинсону. 15 сентября 1826 г. GW/4. F. 257.*)

При этом миссионеры не стремились предать свое участие гласности и тем более не желали, чтобы об их действиях стало известно в Ламбетском дворце:

«Если об этом должно быть доложено руководству Церкви, то мы не хотели бы, чтобы именно через нас заинтересованным людям стало известно об участии общества в происходящем. Реализуемые сейчас планы в таком случае должны быть переданы в другие руки» (*Письмо Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г. GW/4. F. 258–258v.*)

Те же задачи стояли перед обществом и впоследствии. Так, в 1832 г. секретарь ЦМО эсквайр Д. Коутс командировал в Траванкор Дж. Ламбика, чтобы «выяснить, есть ли среди братьев-миссионеров, когда-либо или ныне задействованных в миссии в Траванкоре, кто-либо, пользующийся особым влиянием на Сирийскую церковь». Правда, опросив митрополитов, катанаран и проч., Ламбик «никаких признаков какого-либо заметного влияния не обнаружил» (*Отчет Дж. Ламбика о миссии в Траванкоре. Котта, 8 октября 1832 г. GW/4. Ff. 259–264v.*)

Из последующей переписки видно, что отношение членов малабарской миссии к мар Афанасию не только негативно сказалось на репутации общества, но бросало тень и на английскую церковь, что отразилось на их взаимодействии в дальнейшем. Капеллан Томас Робинсон писал патриарху Георгию V о «прискорбном разделении английской церкви в Индии» как следствии «нестроений и схизмы» (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 249v.*) То же мнение высказывал в 1840 г. Милль: «Эти события достойны сожаления в отношении их влияния на Церковь, столь уважительно относившуюся к Антиохии» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 255.*)

Позиция епископа Реджинальда Хебера в отношении Сиро-яковитской церкви

В отличие от миссионеров епископ Хебер, помня о том, что патриарх Игнатий Георгий поручил мар Афанасия покровительству британских

властей, как светских, так и духовных, считал своим долгом устранить возникшие в Коттаяме разногласия (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 455*). «Малаялийские, или сирояковитские, церкви в Траванкоре полыхают в огне, и я должен выступить у них посредником», — писал он сэру Вильямсу Винну, подчеркивая, что его «стремлением всегда было примирять и поддерживать оказавшихся в Индии восточных христиан» (*Ibid. P. 452, 453–454*).

Епископ напоминал Афанасию о сдержанности, с которой тому следовало бы предъявлять свои требования, учитывая ситуацию в Траванкоре, и призывал миссионеров избегать каких-либо споров с сирийским митрополитом и оказывать ему надлежащие знаки почтения (*Ibid. P. 454*). «Мое желание — это иметь возможность стать свидетелем мира между вами», — писал епископ мар Афанасию 22 марта 1826 г. (*Письмо епископа Р. Хебера к мар Афанасию. Лагерь на Коромандельской территории, 22 марта 1826 г. Ibid. P. 476–477*). С другой стороны, он увещевал Филоксена, напоминая, что разделения и раздоры ведут к тому, что «имя Христово попирается среди иноверцев», и создают благоприятные условия для обращения яковитов в католицизм римскими священниками, «от которых в прошлом его народ претерпел много бед» (*Письмо епископа Р. Хебера к митрополиту Филоксену. 27 марта 1826 г. Ibid. P. 480–481*).

Вел он переписку и с высокопоставленными лицами, имевшими отношение к британской колониальной политике, такими как сэр Роберт Вилмот Хортон, сэр Ваткин Вильямс Винн и др. Из письма к последнему известно, что одновременно с Хебером в Индии служили его сокурсники по Оксфорду, занимавшие должности главных судей (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 457*). В Калькутте он близко сошелся с главнокомандующим армии Ост-Индийской компании лордом Комбермером¹⁰, в Мадрасе познакомился с сэром Томасом Манро, которого считал «человеком выдающегося таланта, везде признанного и уважаемого» (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 457*). В Трихинополи, где епископ Хебер провел последние дни своей жизни, он продолжительное время провел в обществе раджи Танджора, воспитанника знаменитого Шварца¹¹, который, по словам Хебера, дал ему хорошее светское образование и «действовал как признанный, хотя, конечно, успешный и здравомыслящий посредник бывшего на его попечении осиротевшего принца» (*Ibid. P. 464–465*).

Иными словами, епископ Хебер был достаточно влиятельной фигурой и полон решимости повлиять на развитие событий в нужном ему направлении. Узнав об удалении мар Афанасия из Траванкора, он обратился к губернатору Мадраса. В беседе с Манро, уже наслышанном о «незаконном поведении» и «агрессивном нраве» сирийского митрополита, епископ поделился собственными впечатлениями, высказав предположение, что все услышанное от миссионеров, «возможно, является ложью». Он просил Манро передать его слова махарани Траванкора и ее представителю в Квилоне, что губернатор и сделал (*Письмо епископа Р. Хебера к мар Афанасию. Лагерь на Коромандельской территории, 22 марта 1826 г. Ibid. P. 477*). Более того, Манро

¹⁰ Сэр Стэплтон Коттон (1773–1865) — британский фельдмаршал; 6-й баронет Комбермера (графства Чешир; с 1814 г.) и 1-й виконт Комбермера (Бхаратпура, Ост-Индия; с 1827 г.).

¹¹ Шварц Кристиан Фридрих (1726–1798) — немецкий лютеранский миссионер в Индии.

обещал «подтвердить любое назначение, какое мар Реджинальд сочтет благом для мира Церкви в Малабаре» (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, Патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. Ff. 250v.–251).*

Созыв собора

Для предотвращения раскола Малабарской церкви единственной конструктивной мерой Хебер считал созыв собора в присутствии всего клира. Собор, по его мнению, должен быть созван от имени обоих митрополитов, Афанасия и Филоксена, «чтобы предоставить им возможность свободно и безбоязненно высказать свои чувства», кроме того, он считал нужным обсудить обычаи Сиро-яковитской церкви в Малабаре и Антиохии (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 241v.–242).*

Выбор председательствующего на соборе предоставлялся сиро-яковитам, английскому клиру отводилась роль «советников», себе же Хебер отводил роль консультанта по вопросам христианского церковного права (*Ibid. Ff. 242–242v*), а также ходатай «перед королевой Траванкора и его превосходительством губернатором, которого английский король поставил во главе городов Индии» (*Письмо епископа Р. Хебера к митрополиту Филоксену II. 27 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 481–482).* Избрать место проведения собора епископ предложил членам общества, а расходы для бедных клириков брался взять на себя.

Главной задачей собора было избрание «главы и митрополита правоверных индийцев в Малабаре», и, по убеждению епископа, им должен был стать мар Афанасий как официальный представитель Сиро-яковитского патриарха (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 250).* Индийских иерархов Филоксена и Дионисия при подтверждении каноничности их рукоположения предполагалось «сделать викарными епископами при митрополите с соответствующими почестями и содержанием» (*Ibid. F. 251).*

Решения собора, как полагал епископ, должны быть приняты «путем баллотировки или тайного голосования» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 241v.–242)* в соответствии с намеченным им курсом. Заручившись поддержкой сэра Томаса Манро, Хебер призывал сторонников Филоксена с пониманием отнестись к решению правительства Траванкора (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826]. GW/4. F. 250–250v*). Впрочем, как и миссионеры, Хебер не желал афишировать свое участие в подготовке окончательных решений: предполагалось, что собор будет иметь характер внутрицерковного совещания. Вместе с тем, допуская упреки в адрес англичан, он считал нужным предупредить: «Если кто-то сошлется на мое решение или на решение правительства, желательно, чтобы они понимали основу этих решений и были с ними согласны» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 241v*).

Все эти меры, как надеялся епископ Хебер, должны привести к восстановлению церковного мира (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 26 марта 1826 г. GW/4. Ff. 242v*), что требовалось как для восстановления нормальной жизни сиро-яковитов, так и для сохранения репутации ЦМО и клира английской церкви. В одном из последних писем, написанных накануне его скоропостижной кончины, Хебер писал Фенну:

«Как бы мало причин ни дал нам Афанасий желать его приезда или сожалеть о его изгнании, я сердечно огорчен, что его изгнали, — его друзья теперь сочтут его святым исповедником, а малаяяли и все враги англиканской церкви и Общества церковных миссионеров, будь то в Индии или Европе, уверуют в то, что его удалили из страны из-за влияния миссионеров» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Трихинополи, 2 апреля 1826 г. GW/4. Ff. 247–247v.*)

Но помимо указанных задач епископ Реджинальд Хебер преследовал и другие цели, о чем дал понять в одном из первых писем по «малабарскому делу», когда призывал Дж. Фенна «не навредить нашим интересам в рамках этой Церкви» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Бомбей, 9 августа 1825 г. GW/4. F. 239v*). Если миссионеры ЦМО прилагали усилия к отделению Малабарской церкви от патриаршего престола, то епископ ставил противоположные задачи — налаживание связей между церковью Англии и древневосточными церквями, Сиро-яковитской и Армянской, предпочитая действовать посредством официального и дружеского общения с их представителями, допуская и евхаристическое общение между ними, что, собственно, имело место в Бомбее, а затем и в Мадрасе, о чем упоминается в дневниковых записях Хебера, ожидавшего, что «много положительных эффектов может возникнуть из этих знаков вежливости»: «Когда они поймут, что мы не желаем никакого превозношения над ними, их можно будет постепенно привести к подражанию нам» (*Heber, 1828. P. 275*).

Не случайно в числе главных вопросов, требовавших рассмотрения на предстоящем соборе, Хебер указывал вопрос об обрядах и обычаях Сиро-яковитской церкви (*Письмо епископа Р. Хебера к сэру В. Вильямсу Винну. Карнатик, 21 марта 1826 г. Ibid. P. 455*). Отчасти и поэтому, понимая, что «случай с Афанасием может подвергнуть опасности этот альянс» (*Ibid. P. 275*), Хебер стремился «закрепить положение Афанасия и его патриарха» в Траванкоре (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. F. 254*) и не одобрял тактики ЦМО, находя в сложившейся ситуации намерения общества «преждевременными и даже неразумными». Хебер приводил еще один весомый аргумент в пользу недопущения раскола, а именно что «если существующая система внезапно будет разрушена, то обильный урожай снимет с этих мест не англиканская, а католическая церковь» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г. GW/4. Ff. 242v.–243*).

К сожалению, в отличие от миссионеров, епископ находился вдали от Коттаяма, где в его отсутствие события развивались под контролем членов общества, проводившего собственную политику в Траванкоре.

На Страстной седмице, находясь в Мадрасе, Реджинальд Хебер получил известие об аресте мар Афанасия, что кардинально меняло намеченный им план действий. Обратившись за помощью к резиденту, полковнику Ньюоллу, он просил ничего не предпринимать до его приезда:

«Как позорно будет для английской нации, — напоминал он, — если мы примем в какой бы то ни было степени злополучные обычаи, которые мы все так осуждаем в последователях поврежденной Римской церкви и в их отношении к легатам из Сирии, приходящим к древним церквям, которых Божественное Провидение ныне предало нашему мирскому управлению и защите» (*Письмо*

*Т. Робинсона к Игнатию Георгию, Патриарху Антиохийскому. Б. д. [1826].
GW/4. F. 251v.–252).*

Но, несмотря на последовавшее распоряжение полковника о прекращении преследования мар Афанасия и разрешении ему вернуться в Траванкор, приказ достиг Коттаяма уже после того, как мар Афанасий выехал из Кочина (*Ibid. F. 252*).

Чтобы «извлечь из неблагоприятной ситуации максимум пользы» и предотвратить «в этой несчастной малой Церкви новый разлад, чем не преминут воспользоваться паписты», Хебер по-прежнему настаивал на проведении собора, необходимого «для успокоения людских настроений» и составления «общецерковного обращения к патриарху» (*Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Трихинополи, 2 апреля 1826 г. GW/4. Ff. 246v.–247*). Помимо изложения всех обстоятельств дела, по мнению епископа, следовало просить патриарха «признавать правомочность рукоположения местных епископов». Без этой меры, по убеждению Хебера, «мир в Церкви будет непрестанно нарушаться вновь прибывающими монахами или, по меньшей мере, новыми письмами с угрозами из Сирии» (*Ibid.*).

По-прежнему не считая намерений общества по реформированию Малабарской церкви своевременными, особенно теперь, когда им предстояли объяснения и оправдания, епископ призывал миссионеров придерживаться взвешенной позиции и просил

«осторожнее, чем когда-либо, выбирать способы вмешательства в происходящее, опасаясь, что наши противники заявят, будто мы убрали Афанасия с пути, дабы привнести свою собственную систему» (*Ibid. Ff. 247v.–248*).

Письмо епископа к Фенну от 2 апреля оказалось последним звеном в продолжительной эпистолярной борьбе за предотвращение раскола в Малабарской церкви (*Записка Т. Робинсона. [Б. м., б. д.]. GW/4. Ff. 245–246v*). 3 апреля он скончался. Крайнее переутомление, непривычные климатические условия, тяжесть трехмесячной инспекционной поездки в Южную Индию, от Калькутты до Трихинополи, — «в сезон, когда опасно и тяжело путешествовать для любого, кроме самого крепкого здоровьем человека» (*Письмо епископа Р. Хебера к канонику Ч. Шипли. Танджор, 28 марта 1826 г. Heber, 1828. P. 458*) — подкосили здоровье 42-летнего епископа, оставившего в Калькутте жену с двумя малолетними дочерьми. Увы, епископ оказался прав, когда записал в дневнике перед отъездом на юг: «Насколько я предвижу, мое путешествие не будет приятной вечеринкой...» (*Heber, 1828. P. 274*).

Дело Хебера по примирению Сиро-яковитской церкви в Малабаре и сохранению ее целостности продолжил его постоянный спутник и секретарь капеллан Томас Робинсон. Исполняя намерение «своего благословенного отца» и «возлюбленного прелата», он изложил подробности «малабарского дела» в пространном письме к патриарху Игнатию Георгию V, уделив особое внимание вопросу о рукоположении иерархов для Малабарской церкви и налаживанию контактов между двумя церквями.

Ссылаясь на желание Хебера, Робинсон убеждал патриарха признать Филоксена и Дионисия и, хотя ими «не по праву узурпирован титул митрополита, не сомневаться, что они суть подлинные епископы, хотя бы на их рукоположении и не присутствовало нужное число прелатов согласно канону».

Ради восстановления мира в отдаленной малабарской епархии Робинсон убеждал патриарха при объективном рассмотрении сомнительных вопросов действовать мягкими мерами и просил не следовать советам «заблуждающихся или злых братьев, которые подговаривают языческий магистрат назначить руководителя церкви, не считаясь с мнением патриархата Антиохии». Коснулся он и различий в методах работы капелланов и миссионеров общества и сотрудников епископа Хебера, отметив неодобрение последними «насильственного удаления из страны сирийского легата» и расположение англиканской церкви к церкви Сиро-яковитской (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому*. Б. д. [1826]. *GW/4. F. 253–253v*).

Со временем напряженность в отношениях между сиро-яковитским клиром в Траванкоре и членами общества, а также между последними и представителями церкви Англии еще более усугубилась.

Признав неудовлетворительными те «дружеские методы, которые бесплодно и без всякой реформы» применялись к Сиро-яковитской церкви в Малабаре, общество сменило тактику и с 1838 г. перешло к активным действиям. В феврале 1838 г. Дж. Такер ознакомил членов общества с официальным документом, которым рекомендовалось в преддверии предполагаемой реформы Сиро-яковитской церкви «предложить всем членам этой церкви отказаться от причастия в ней и прибегнуть в качестве временного решения к причастию англиканской церкви в Индии». Вместе с тем предполагался отказ миссионеров от каких-либо попыток прозелитизма и от всякой критики Сиро-яковитской церкви (*Записка У.Х. Милля*. Б. д. [сентябрь 1840 г.]. *GW/4. Ff. 257–257v*).

Члены миссии в Малабаре (Б. Баркли, Бейкер и Перт) восприняли предложения Такера как руководство к действию: их катехизаторы убеждали сиро-яковитов отказаться от заблуждений, обещали им покровительство, защиту и убежище (*GW/4. Ff. 257–257v*). Так, в ответ на просьбу яковитов защитить их от индусов и католиков один из миссионеров потребовал от них обещания «провести реформу и перевести литургию на местный язык для применения в местных церквах», в противном же случае грозил «предоставить индусам и папистам делать с ними все, что им заблагорассудится» (*Письмо Джозефа Уэйкфилда к Дж. Вильямсу*. Йоркшир, Хай Хоуланд, 3 марта 1841 г. *GW/4. Ff. 249–250v*). Подобные действия привели к открытому конфликту мар Дионисия IV с миссионерами (*Письмо У.Х. Милля*. Кембридж, 25 декабря 1840 г. *GW/4. F. 255*) — они не только подорвали доверие сиро-яковитов к Церковно-миссионерскому обществу, но и дискредитировали церковь Англии и ее представителей в Индии, как отмечалось выше.

Принудительный прозелитизм британских миссионеров среди сиро-яковитов Малабара привел к окончательному разрыву общества и епископата английской церкви, о чем написал Милль, спустя пятнадцать лет после малабарских событий: «Миссия Малабара сочла себя по самому факту нахождения в этом княжестве независимой от епископа Мадраса — и, конечно, от любого другого англиканского епископата» (*Ibid*). Не о том ли еще в 1826 г. предупреждал Томас Робинсон, упоминая о «прискорбном разделении английской церкви в Индии»? (*Письмо Т. Робинсона к Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому*. Б. д. [1826]. *GW/4. F. 249v*) И начало этого процесса связано с кратковременным (и «столь незначительным», как полагали англичане) «малабарским делом» 1825–1826 гг.

Дальнейшая судьба мар Афанасия

О дальнейшей судьбе мар Афанасия из документов Кингс колледжа известно не многое: выехав из Траванкора в марте 1826 г., он некоторое время провел в соседнем княжестве — Кочине, откуда вскоре уехал, как отмечалось в письмах Робинсона, в Сирию. В 1829 г., когда шла русско-турецкая война, он («как христианин») был арестован по распоряжению турецкого паши и заключен в тюрьму, из которой вышел лишь после внесения большого бакшиша, для чего ему пришлось продать все свое имущество. Он уехал из Сирии и в течение десяти лет «не имел ни дома, ни средств к существованию» (*Записка мар Афанасия. Б. м., б. д. [Лондон, 1839/1840]. GW/4. Ff. 17–17v*).

Где находился мар Афанасий на протяжении этих лет, достоверной информации нет, однако, согласно сведениям, полученным Такером в 1838 г. от сиро-яковитов из Месопотамии и Персии, его встречали «где-то в Азии». Кроме того, как утверждал тот же Такер, «мар Афанасий провел некоторое время в Риме», что возбудило подозрения в его приверженности к католицизму (*Письмо Дж. Такера к У.Х. Миллю. Лондон, 1 марта 1841 г. GW/4. F. 236*).

В 1840 г. мар Афанасий приехал в Англию как назначенный в свое время митрополитом области Малабар, входившей в Британскую Индию. Его обращение к духовным властям с просьбой помочь ему «вернуться в епархию либо обрести вспомоществование в этой стране» (*Письмо мар Афанасия Абед аль Массих. Лондон, 1839/1840. GW/4. Ff. 17–18*) вновь обратило внимание церковных кругов на события 1825–1826 гг. Было возбуждено расследование, к которому привлекли очевидцев малабарских событий (У.Х. Милля, Дж. Фенна и др.) с тем, чтобы выяснить роль Церковно-миссионерского общества, британской администрации, церковного начальства, а также самого мар Афанасия. И вновь мнения в отношении мар Афанасия разделились, как и в то время, когда он находился в Траванкоре.

Бывший сотрудник епископа Хебера У.Х. Милль считал, что в данный момент английская церковь не имеет возможности содействовать возвращению митрополита на Малабарскую кафедру, но он вправе рассчитывать на сочувствие и помощь Церкви и как пострадавший от рук миссионеров, «преследующих собственные религиозные цели», и как член Сиро-яковитской церкви, «представлявшей истинную, хотя и павшую, ветвь Христовой Церкви» (*Письмо У.Х. Милля. Кембридж, 25 декабря 1840 г. GW/4. Ff. 255–255об*).

Джозеф Вэйкфилд, незадолго до того побывавший в Траванкоре, свидетельствовал о добрых отзывах о мар Афанасии, полученных им во время пребывания в Мадрасе и Коттаяме, о сожалениях сиро-яковитов, вызванных его отъездом, что они единодушно связывали с интригами миссионеров из Церковно-миссионерского общества (*Письмо Дж. Уэйкфилда к Дж. Вильямсу. Йоркшир, Хай Хоуланд, 3 марта 1841 г. GW/4. Ff. 249–250v*).

Со стороны членов ЦМО отношение к мар Афанасию не изменилось. В частности, Дж. Такер, активный сторонник проведения реформы Малабарской Сиро-яковитской церкви, был убежден в приверженности мар Афанасия к католицизму, обвинял его в мошенничестве и самозванстве, не приводя, впрочем, убедительных аргументов (*Письмо Дж. Такера к У.Х. Миллю. Лондон, 1 марта 1841 г. GW/4. P. 236–236об*).

«Малабарское дело» в контексте британской политики

Обращает внимание тот факт, что последние письма из корпуса «малабарской» переписки, написанные в начале марта 1841 г., относятся к тому времени, когда в британских церковных и политических кругах встал вопрос о расширении британского церковного присутствия в Святой земле. (Смирнова, 2015)

12 марта 1841 г. на заседания парламента был вынесен вопрос о признании монарха Англии покровителем протестантизма в Леванте, по примеру России и Франции, монархи которых являлись покровителями христиан Греческой и Римской церкви (Palmer, 1841. P. 66–67). Претворяя в жизнь план «по созданию представительства» в Иерусалиме, британские политики лорд Шефтсбери и лорд Пальмерстон действовали совместно с ведущими прелатами английской церкви — архиепископом Кентерберийским и епископом Лондонским.

Следующим шагом, предпринятым епископом Лондонским с согласия и одобрения архиепископа Кентерберийского при поддержке объединения миссионерских обществ, стало учреждение в апреле 1841 г. Фонда колониальных епископий (The Colonial Bishopricks Fund) (Tibawi, 1961. P. 44), что «выдвигало на первый план фундаментальную важность епископий в колониях, автономность их действий и отказ от взаимодействия с Церковью и государством» (Strong, 2007). По мнению Тибави, учреждением фонда устранялась давно заботившая правительство аномалия, обусловленная тем, что зарубежные британские миссии находились под контролем и руководством частных добровольных и нецерковных обществ, которые успешно действовали в Иерусалиме в 1830-х гг. при косвенной официальной поддержке (Tibawi, 1961. P. 44). В качестве центра деятельности новой епископии и резиденции епископа был избран Иерусалим как «наиболее соответствующий необходимым требованиям» (*ibid.*).

Если в 1838 г. главный идеолог учреждения иерусалимского бишоприска лорд Шефтсбери задавался вопросом: «Можем ли мы не устанавливать протестантский епископат в Иерусалиме и не дать ему юрисдикцию над всем Левантом, Мальтой и какими-либо капелланствами, возможно, на берегу Африки?» (*ibid.* P. 36), то в ноябре 1841 г. при посвящении Михаила Соломона Александра в епископа Иерусалимского бишоприска отмечалось, что ему предстоит:

«возглавить английское духовенство и конгрегацию в Сирии, Халдее, Египте и Абиссинии и другие такие протестантские объединения, которые могут образоваться в будущем под его епископской заботой и быть приняты в общение с его Церковью, направлять усилия в этих странах для обращения иудеев и установить дружеские отношения с епископатами древних церквей Востока» (Выдержка из статьи «Епископия Объединенной церкви Англии и Ирландии в Иерусалиме». АВП РИ. Ф. 161 (СПб. ГА) II-9. Оп. 46. Д. 26. Л. 81).

Таким образом, англиканскому епископу в Иерусалиме и его сотрудникам предстояло наведение мостов не только между церковью Англии и православными патриархатами Востока, но и древневосточными

церквями, для чего им мог пригодиться опыт их коллег в Индии. В этом отношении приезд мар Афанасия в Англию и возвращение к «малабарскому делу» оказались как нельзя более кстати: опыт межконфессиональных отношений, приобретенный в Индии и других местах представителями ЦМО и церкви Англии, был использован при формировании концепции и стратегии иерусалимской епископии, когда «малабарский проект» епископа Р. Хебера предполагалось расширить на весь Ближний Восток.

Реализовывать его предстояло епископу М.С. Александру, в клир которого при учреждении епископии в 1841 г. был назначен капеллан Джордж Вильямс. И тот факт, что уникальный корпус архивных документов отложился в его фонде, убедительно свидетельствует об обращении к малабарским событиям середины 20-х годов XIX в. стратегов британской политики на христианском Востоке.

А если принять во внимание, что британское миссионерское проникновение не только в Индию, но и в другие азиатские страны, в том числе Турцию и Иран, оказало несомненное влияние на российскую церковную политику в Ближневосточном регионе, обращение к ключевым событиям из истории колониальной политики Великобритании в XIX в. во многих отношениях представляется не только интересным, но и востребованным.

Приложение*

1. Циркулярное письмо мар Игнатия Георгия, патриарха Антиохии, к британским властям в Индии с поручением их попечению своего посланника мар Афанасия

Главам британской нации в Индостане от смиренного Игнатия Георгия IV, милостью Всемогущего Бога патриарха престола Антакьи (Антиохии) Апостольской, Святой Церкви всех сирийцев и яковитов Дер Зефры (Derah Zefran) и остальной части Востока.

Хвала Святейшему Богу, создателю телес и избавителю душ, да будет услышана эта молитва за моих дорогих и счастливых друзей, глав провинций Индостана, честнейших друзей Божьих, да благословит Всевышний их и их семьи, и потомков их, и связанных с ними людей по молитвам нашей Святой Девы Марии и всего воинства мучеников и святых. Аминь!

Следует отметить, что поводом написать эти дружеские и благословляющие строки послужил прежде всего интерес узнать, как у вас обстоят дела, и сообщить, что я постоянно думаю о вас. Кроме этого, следует сказать, что мы отправили к вам наших счастливых чад, а именно Матран Абдул Муссиха (Matran Abadool Museeha) и Касиса Исаака (Casis Ishaac), Касиса Абдулахада (Casis Abdulahud), Касиса Бухара (Casis Bushara), направленных для выполнения ряда поручений к нашим сиро-яковитским чадам, пребывающим с вами и находящимся под сенью Бога и нашей власти.

На данный момент наша великодушная просьба к вам заключается в том, чтобы по их прибытии в ваше присутствие вы любезно присмотрели бы за ними и поручили их заботе и попечению глав любых регионов, которые

* Документы по «малабарскому делу» приводятся в переводе О.Г. Ключинской, Е.С. Сапрыкиной и И.Ю. Смирновой. Авторы примечаний – Е.С. Сапрыкина и И.Ю. Смирнова.

они могут посетить и где бы они ни остановились, ибо они есть мои чада и совершенно не знакомы с обычаями этой страны. Да будет известно также, что принадлежащее вам принадлежит нам, восхищающее нас и вас восхищает, а приносящее нам огорчение вы не одобряете. И, хвала Господу, усердие или содействие в делах веры вашей прославленной британской нации известно во всех частях света, особенно в отношении нашего племени сирийцев, так было с давних пор, однако, в частности, в последнее время наша взаимная дружба окрепла и приумножилась.

Мы молим Господа, чтобы так и было между нами до скончания века. В силу всего вышеизложенного нам нет необходимости обращаться к вам с более подробной просьбой, поскольку ваша мудрость не требует детальных разъяснений. Какую бы поддержку и защиту вы ни оказали моим чадам, считайте, что это сделано для меня самого, а содеянное зачтет вам наш Всемогущий Господь Иисус Христос, который вознаградит вас за меня неисчислимыми благами вдвойне. Мы же просим Его милости и благодати, чтобы он удостоил вас своим Святым Благословением и поддерживал вас, помогал в делах, исполнял желания и сокрушил противников.

Да укрепнут ваши души. Да будут дети ваши защищены и да отворит Господь для вас врата благодати, да приумножит Он свою милость и благословения и свои Дары всем вам и да ниспослана будет его милость и процветание в обоих мирах, покой в жизни земной и жизни вечной.

Радуйте меня всегда сообщениями о своем состоянии и не порицайте нас за то, что не указали вашего имени, причина в том, что до сих пор мы не состояли в переписке (поэтому мы и не знаем его). Это письмо разумно было написать, обращаясь к нашей дружбе, дав прежде вам наше благословение.

Писано 29-го числа месяца Тишрея (Tisreen 2d), н. э. (A.D.) 1823. Месяца Раби (Рабиу) — ас-сани (Rubeeoosani) 1239 по Хиджре (Hejree)¹².

Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825, with notes upon Ceylon, an account of a journey to Madras and the southern provinces, 1826, and letters written in India [ed. by A. Heber]. London, 1828. Pp. 467–469.

2. Записка сиро-яковитского митрополита мар Афанасия Абед аль Массиха. Б. м., б. д. [Лондон, 1839/1840]

Я был рукоположен в епископы моего Антиохийского патриархата, диоцеза [Сиро-яковитской церкви] Малабар¹³, и на пути в епархию познакомился с д-ром Вольфом, вручившим мне рекомендательные письма для Восточной Индии. По приезде в Бомбей я имел честь свести знакомство с епископом Хебером, который оказал мне большую поддержку и упомянул обо мне в своих записках.

¹² Тишрей — месяц начала года в еврейском календаре; A.D. — anno Domini (лат), в переводе с латинского буквально «от лета Господня, от Рождества Христова, т.е. в годы нашей эры». Раби (Рабиу) — ас (ус) — сани — четвертый месяц мусульманского лунного календаря; Хиджра (лунная Хиджра) — исламский лунный календарь.

¹³ Малабар — историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты.

В Малабаре находились два епископа — или, лучше сказать, два человека, притворявшихся, но не являвшихся епископами (о чем знали клир и община). По приезду в Малабар весь клир и миряне приняли меня как епископа в соответствии с письмами, которые я получил от моего патриархата. Последний передо мной истинный епископ Малабарский умер в 1803 году, и с этого года новых священников рукополагали те два «епископа». Приехав, я повторно рукоположил их, всего 19 человек, признавшихся мне в недостойном рукоположении.

После этого те два епископа вместе с американскими миссионерами объявили себя моими противниками и обвинили меня перед лицом правившего там князя-язычника. Князь передал мне, что не желает, чтобы я оставался в его стране. Я был вынужден смириться и вернуться восвояси — все по вине американских миссионеров, у которых не принято почитать епископов. Английские законы, которые в той стране такие же, как здесь [в Англии], однако не содержат одобрения подобным поступкам.

Когда в 1829 году, во время русско-турецкой войны, я вернулся в свою страну, находившийся там турецкий паша, узнав, что я из страны христиан (которых турки считают неверными), стал притеснять меня и бросил в тюрьму, из которой я не смог бы выбраться, не уплатив крупной суммы денег. Поэтому я продал все свое имущество и влез в долги, лишь бы спасти свою жизнь и уплатить деньги.

Выйдя из тюрьмы, я покинул свою страну и вот уже десять лет не имею ни дома, ни средств к существованию, как сказано в Писании о человеке, у которого было два сына, и младший попросил выделить ему наследство, и он дал ему, и тот ушел в далекую страну, а когда стал нуждаться, то вернулся в дом отца своего¹⁴. Так и я решил прийти, подобно блудному сыну, в дом Отца своего в этой цветущей стране, под управлением которой находится моя епархия, просить крошек, упавших со стола богачей. Я бы желал либо вернуться в мою епархию, либо же обрести вспомоществование в этой стране.

Я молю Бога в вышних о процветании Англии и английской нации, столь щедрой помощнице всех тех, кто прибегает к ее помощи, — помогающей даже королям, против которых восстали подданные.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 17–17v.

*Комментарий к письму мар Афанасия*¹⁵. Настоящее заявление, написанное лично епископом на арабском языке и переведенное сначала на французский, а затем на английский язык, нашло почти полное подтверждение в описании визита прелатов в Индию д-ра Милля. Следует, впрочем, отметить, что мар Афанасий приписывает свое изгнание влиянию американских миссионеров, а д-р Милль — агентам Церковно-миссионерского общества. Бесспорно, более верно последнее, и вот как, кажется, епископ оказался введен в заблуждение. Представляется, что он узнал, что у американцев «не принято почитать епископов», а также что

¹⁴ Ср.: Лк. 15, 11–32.

¹⁵ Переписка по «малабарскому делу» в фонде Джорджа Вильямса архива Кингс колледжа (Кембридж) сопровождается комментарием, автор которого не указан, но со всей очевидностью это был человек, хорошо знакомый с событиями в Траванкоре 1825–1826 гг., возможно, один из капелланов епископа Р. Хебера.

миссионеры, с которыми он имел дело, презирали авторитет епископа Хебера и патриарха Антиохийского и отказывались признать его сан, и заключил из этого, что миссионеры — американцы. Он не мог осознать, как возможно для священника, признающего власть епископа, презреть авторитет собственной епархии, как это, кажется, сделали эти миссионеры.

Полное описание произошедшего и ряд любопытных писем можно найти в записках епископа Хебера: том II. 274, 275; в его переписке там же, стр. 452–455, и особенно в Приложении, стр. 467–489. Письмо м-ра Робинсона к патриарху Антиохийскому, содержащееся в этой коллекции, дает подробное описание произошедшего и очень полно излагает взгляды и пожелания епископа Хебера в этом отношении.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 18.

3. Объяснительная записка Дж. Фенна. Б. м., б. д. [Великобритания, 1840/41]

Поскольку многие друзья обратились в комитет Церковно-миссионерского общества за информацией, касающейся размышлений по поводу поведения их миссионеров в Траванкоре¹⁶ в 1825–1826 годах в отношении мар Афанасия, сирийского епископа, направленного патриархом Антиохийским в местную христианскую церковь в Траванкоре, чей недавний приезд в страну привлек к себе внимание, — по требованию комитета было распространено нижеследующее заявление (в надежде, что оно вполне разъяснит ситуацию и докажет, что ныне покойный епископ Хебер видел поведение миссионеров совершенно не так, как это принято в последнее время).

Джозеф Фенн

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. P. 237–237 об.

Комментарий. Церковь в Траванкоре, которой посвящено это заявление, была в период описываемых событий — и до сих пор является — подчиненной Антиохийскому яковитскому престолу, однако претендовала на определенные права автономии. Время от времени ее посещали направленные патриархом иностранные прелаты, чей приезд чаще всего вызывал разлад и нестроение.

В 1816 году общество церковных миссионеров предприняло миссию в эту церковь — и обстоятельства были весьма благоприятны. Миссионеров сердечно приняли в церкви и пригласили обрести временный приют в Коттаяме. Здесь находился недавно воздвигнутый для обучения клира колледж, где обитал митрополит. Все стороны в церкви внушили миссионерам полную уверенность в добром к ним отношении. Миссионеры посвятили себя двум предметам: переводу и образованию. Во внутренние дела церкви они никоим образом не вмешивались.

В августе 1825 года мар Афанасий в рамках своей церковной миссии прибыл в Бомбей. Первые сведения о его визите были сообщены миссионерам в Траванкоре следующим письмом от епископа Хебера¹⁷.

¹⁶ Траванкор — историческая область, а в период британского колониального владычества — княжество в юго-западной части индийского субконтинента. Столица — Тривандрам.

¹⁷ King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 237v. 238.

4. Письмо епископа Хебера к преп. Джозефу Фенну. Бомбей, 9 августа 1825 г.

Преподобный сэръ!

Мар Афанасий, епископ Сиро-яковитской церкви, прибыл в наш город по пути в Кочин, имея предписание от митрополита Антиохийского, ныне пребывающего в Мардине, в качестве епископа и митрополита Сирийской церкви на Индостане. Он представляется благожелательно настроенным и положительно относящимся к англиканской церкви (он присутствовал на Божественной литургии и принял Святые дары из моих рук в церкви ап. Фомы). Я счел своим долгом отнестись к нему с подчеркнутым уважением и оказать ему некоторую помощь в дальнейшем путешествии. С вашего позволения я рекомендую его вам и мистеру Бейли и любому доброму коллеге, кому вы могли бы его представить.

Впрочем, поскольку мы не можем знать, какова суть или основа его претензий на руководство церквями народа малаяли¹⁸, а также как они его примут, вам следует действовать с некоторой долей осторожности, выступая посредником между разными мнениями. Сам мар Афанасий, очевидно, совершенно не знаком с нынешним состоянием церквей, к которым он послан. Он не знал, что сейчас у них уже имеется епископ, и знает лишь, что примерно пятнадцать лет назад епископ, посланный Антиохией, был отвергнут ими по причине, как он сам сказал, отсутствия необходимых рекомендаций, которыми сам он обладает.

Мне не удалось также узнать, полагает ли он, что по приезде призван заместить собой нынешнего митрополита, вмешаться в его служение или — как это, кажется, уже случалось в прошлом — они оба продолжают действовать в согласии. Если его действительно с готовностью примет Сирийская церковь, так, как он, кажется, рассчитывает (и как, по его мнению, ему гарантируют это бумаги из Антиохии), будет исключительно важно впечатлить его положительными отзывами об англичанах и их отношении к его пастве. Возможно, что жесты доброй воли, столь давно совершаемые вами ради блага местных жителей, найдут в его лице ценную поддержку.

Однако если его приезд станет предвестником распрей и смут или вызовет сопротивление нынешнего митрополита и большинства его клира, то вам стоит, безусловно, быть осторожным, чтобы не сделать ничего, что может навредить нашим интересам в рамках этой церкви. Не вмешивайтесь ни во что иначе, чем в роли миротворца и доброго посредника.

Подумав, я отправляю это письмо почтой, чтобы заранее уведомить вас о приезде мар Афанасия и дать вам время узнать у осведомленных людей, в каком свете он, вероятнее всего, будет воспринят. Вы можете ожидать прибытия мар Афанасия вскоре после получения этого письма. Будьте добры ответить мне в Коломбо. Я сожалею о невозможности, торопясь обратно в Калькутту, посетить в этот раз, как я надеялся, вашу часть Индии, — но уповаю, что Господь сподобит меня сделать это в течение следующего года.

Передаю свои наилучшие пожелания мистеру Бейли и остаюсь, преподобный сэръ, вашим и его верным и покорным слугой.

Реджинальд, епископ Калькутты.

King's College Archive Centre, Cambridge/O272/PP/GW/4. P. 238–240.

¹⁸ Малаяли — народ в Индии, основное население штата Керала.

Комментарий. В сентябре 1825 года на это письмо был направлен ответ. Мар Афанасий прибыл в Траванкор только в ноябре того же года¹⁹.

5. Выписка из записок члена британской церковной миссии капеллана Дж. У. Дорана. Калькутта, 27 ноября 1825 г.

Мистер Корри предложил взять меня с собой, чтобы представить епископу [Реджинальду Хеберу]. Его Преосвященство принял меня с большим теплом, свободно говорил со мной о состоянии дел между сирийцами, а также выразил опасения относительно возможных результатов визита сирийского митрополита к христианам княжества Траванкор. Эта тревога кажется здесь более ощутимой в связи с недавно полученными оттуда сведениями, однако не следует отчаиваться. Иегова все управит. Епископ глубоко интересуется нашей сирийской миссией.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 256.

6. Письмо епископа Р. Хебера к мар Афанасию. Калькутта, декабрь 1825 г.

Перевод на сирийский язык выполнен капелланами Т. Робинсоном и У.Х. Миллем.

Достопочтенному и просвещенному отцу мар Афанасию, епископу и митрополиту всех христианских церквей в Индии, находящихся под управлением сирийцев, от мар Реджинальда, по Божьей милости епископа Калькуттского, да пребудет с вами милость, благодать и мир от Бога Отца и нашего Господа Иисуса Христа.

Я искренне хотел, возлюбленный брат во Христе, услышать, что Господь помог тебе в путешествии из Бомбея, что у тебя все хорошо и ты в добром здравии на земле Малабара. (Я надеюсь, что они радовались твоему прибытию так же, как радовались прибытию мар Василия (Basilius), мар Грегория (Gregorius) и мара Йоханнеса²⁰ (Johannes*)).

Моя же молитва к Богу за тебя такова, чтобы, так же как он вел патриарха Авраама из его страны и из родного окружения благодаря вере в далекую и незнакомую землю, также пусть Он ведет и тебя, защищает и поддерживает, дарует тебе здоровье, и благодать, и добрый дар, возрастит тебе любовь твоей паствы и чтобы плоды Духа Святого приумножились тебе от них; как гласит писание, «Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он действовать будет»²¹.

В особенности я хотел услышать от тебя о хорошем положении наших братьев верующих в Малабаре, епископах, пресвитерах и диаконах; а также и о моих собственных чадах во Христе — английских пресвитерах,

¹⁹ King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 240.

²⁰ В отечественной историографии встречается наименование мар Ивания.

* «Последние *сирийские* епископы (до мар Афанасия в 1825 г.), которые стали управлять церковью в Малабаре в 1751 г.; все митрополиты после них (именуемые мар Дионисий, или Кирилл, или Филоксен по отдельности) являлись *индийскими* епископами собственного рукоположения». — Примеч. изд. 1828 г.

²¹ Пс. 36, 5.

пребывающих среди вас в Коттаяме; да воздаст вам Господь за вашу доброту к ним и да приумножится и день ото дня крепнет меж вами братская привязанность!

Более того, скажу тебе по-дружески, что мое сердечное желание и моя молитва к Господу состоят в том, чтобы Святое Имя Христово получило еще большее распространение среди народов; а также чтобы все любящие Христа возлюбили бы друг друга в том смысле, что те, кто пребывает без Него, могли видеть единство и мир, царящие среди вас, и прославить имя Господне в день появления. Сходным были сердечное желание и молитва к Господу благословенного Томаса Миддлтона²², до меня окормлявшего церковь Христову в этой епархии, чья память благословенна среди святых угодников Христовых, будь они английские или индийские, но они неразделимы надвое, а являются единой семьей, названной по имени Господа Иисуса, сидящего по правую руку Бога Отца, в ком все нации, племена и языки едины и будут вместе прославлены.

Также молю тебя написать пару строк о твоём здоровье и обо всем, что у тебя происходит, как и о здоровье моих собственных чад, пресвитеров Англии и темы их бесед между собой. Кроме того, надеюсь, если на то будет воля Господня, проехать по городам Мадраса, Танджора и Трихинополи, посетив там подчиняющиеся мне церкви. Оттуда с Божьей помощью хочу приехать поприветствовать тебя, моего брата, и церкви под твоим началом, чтобы я преисполнился радости, взирая на твоё служение и участвуя с вами в молитвах.

Если есть еще что-то, что я не написал, то это может быть сказано, когда я к тебе приеду, поскольку (к тому же дочь голоса* предпочтительнее сына пера) это подходящее время человеку поговорить со своим другом наедине.

Это письмо отправлено тебе просвещенным и преданным английским пресвитером Джоном Дораном, одним из бывших еще до меня пресвитеров, который предложил, если ты позволишь, остаться в Коттаяме, хотя пресвитеры Бенжамин Бейли, Джозеф Фенн и Генри Бейкер до сих пор пребывали там с разрешения благочестивых епископов церкви Малабара преподавать науки и благочестие всем, кто жаждет наставления, творит добрые дела и не дает повода к обиде.

И я умоляю тебя, брат, ради меня и ради Христова Евангелия принять его как сына и как верного слугу нашего Господа, который единственный со Святым Духом есть самый высокий во славе Бога Отца и, соответственно, Ему вся честь и власть во веки веков. Аминь.

Дополнительно прошу тебя, брат, остерегаться посланников римского епископа, чьи руки по локоть в крови святых, от чьей тирании наша церковь в Англии давно была освобождена благословением Божьим, и мы надеемся вовек быть свободными; к их числу принадлежат митрополиты Гоа, епископ Кранганора и тот в Вераполи, кто в прошлом причинил много зла индийской церкви. (Я молюсь, чтобы твои церкви в Малабаре*, еще находящиеся

---

²² Томас Миддлтон (1769–1822) – первый епископ Калькутты в 1814–1822 гг., предшественник Р. Хебера.

* «Дочь голоса» (daughter of the voice) по-сирийски означает всего-навсего «слово». Весьма распространенное выражение для этого». – Примеч. изд. 1828 г.

* «Т.е. все церкви сиро-халдейской обрядности, одна половина которых находится под римско-католическим игом, навязанным церковным собором в Диампере». – Примеч. изд. 1828 г.

в подчинении этих людей, сами поднялись против них и своими руками освободились). Как бы то ни было, Господь не желал смерти грешника, а Его милость превыше всех деяний Его, и Его обретают те, кто не искал Его.

Наш брат мар Авраам, епископ Армянский, отправленный от своего патриарха в Иерусалим (да избавит Господь его святой город от рук измаильтян), приветствует тебя. Он также принес письмо, которое было тебе отправлено от Сирийского патриарха в Иерусалиме, но до настоящего времени не нашел возможности переслать его тебе в Малабар и, следовательно, просил меня сейчас тебе его отправить. Вся Церковь Христова здесь приветствует тебя. Приветствуй от моего имени твоих братьев — мар Дионисия и мар Филоксена* с пресвитерами и диаконами. Уильям Милль и Томас Робинсон, пресвитеры, пишущие это послание, в Господе приветствуют вас.

Благословение Отца, и Сына, и Святого Духа да пребудут с вами во веки веков. Аминь.

Епископ Реджинальд.

Написано также на тамильском языке:

С Божьей помощью пусть это письмо будет отправлено в область Траванкор, в город Коттаям и доставлено лично уважаемому преподобному мар Афанасию, митрополиту церкви Малабара.

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 470–472.*

7. Письмо епископа Авраама, представителя Армянского патриарха Иерусалима к мар Афанасию. Калькутта, 6 января 1826 г.

Слуга Божий Авраам от Святейшего престола Иерусалима (назначенный епископом и нунцием с духовной инспекцией в армянские церкви в Ост-Индии) передает приветствие нашему возлюбленному в Господе брату, высокопреосвященному мар Афанасию, митрополиту ассирийцев на Малабарском побережье, а также всем проповедникам истинной веры Христовой и всем возлюбленным братьям при Церкви.

Да пребудут с вами благодать и мир от Бога Отца нашего Всевышнего и от нашего Благословенного Спасителя Бога Иисуса Христа и Духа Святого!

По словам нашего возлюбленного брата во Христе Его Высокопреосвященства Реджинальда, епископа англиканской церкви Индийской епархии (над христианами официальной английской церкви), я имел удовольствие составить представление о благородном служении и верности возложенной на вас вашим настоятелем обязанности быть попечителем паствы Божьей, ради спасения которой умер Христос. Это мне доставило огромную радость, и я всегда возношу свою благодарность Богу за Его милость, дарованную для благого христианского служения через Иисуса Христа.

Позвольте мне вам напомнить, братья во Христе, что, согласно Священному Писанию, последние дни, когда должны были восстать скрывающиеся

* «Бывший митрополит, который оставил кафедру последнему мар Дионисию [IV] и в настоящий момент проживает в добровольной отставке в Кодангалонжере (Codangalongery) или Антуре (Anhur) на севере». — Примеч. изд. 1828 г.

в овечьем обличье, а на деле являющиеся волками многие лжепророки и лжехристиане, как я вижу, уже наступили; таковыми оборотнями являются последователи Римской католической церкви, пытающиеся подступиться к стадам Христовым (воплощенным в Церкви Христа) посредством единства веры и братской любви (через торжество Евангелия), они сеют хаос и толкают их в глубокую пучину сатанинских прегрешений суеверием и идолопоклонничеством: ради личного тщеславия мирского эти люди прикладывают усилия, чтобы лишить и отнять истинных верующих от Славы Божьей.

В связи с этим будьте начеку и следите, словно искусный пастырь, которого вы представляете, в соответствии с проложенным Небесным Добрым Пастырем путем; окормляйте и внимательно присматривайте за паствой Христовой даже ценой крови. Особенно, как я говорю, для единства веры и учения, унаследованных от ваших предков в союзе с Армянской православной церковью, членами которой вы являетесь, а глава над всеми нами есть благословенный век Христос.

Радостно наблюдать, что мы пребываем в ожидании, согласно слову Божьему, засвидетельствовать конец варваров, который, видимо, близок, за счет распространения Евангелия. Мне отрадно, что большая часть Индии оживает со светом и по мере распространения евангельского учения за счет неутомимых трудов нашего возлюбленного брата во Христе, самого благочестивого и истового проповедника слова Божия, нашего любезного друга — епископа Калькутты. К тому же его непредвзятое отношение к нашей церкви и оказанный нам дружеский прием в английской церкви нас обрадовали так, что пером и чернилами трудно передать по этому поводу мои скромные чувства. Воистину радостно видеть столь сплоченное христианство, без деления на секты и нации, действующую братскую любовь; одного христианина с другим; по этой причине мне надлежит провозгласить, что день спасения и богоугодное время и сегодня видимы в наш век.

В столь благоразумное время я пользуюсь возможностью напомнить тебе, наш возлюбленный брат во Христе, о полученном тобой от Бога служении через благодать бесценного Креста: нести слово жизни как верующим, так и неверующим в месте, где проходит твое служение, чтобы ты спасал заблудших из лап антихриста.

Горечь времени диктует необходимость распространять сладость Евангельского Писания, дабы плоды стали приемлемы Всевышним.

Да будет известно нашему почтенному брату во Христе, что в ходе моего привычного общения со Святым престолом Иерусалима я имел честь получить адресованное вам доброе и благословенное письмо от его преосвященства преподобного отца в Господе, архиепископа Ассирийской церкви в Святой земле, и я был бы очень рад передать его вам лично и самому разделить радость братской любви, а также засвидетельствовать ваше доброе служение Церкви и конгрегации, вверенным вашему попечению, о чем я слышал счастливый рассказ нашего друга и брата — епископа Калькутты.

Но, к несчастью, этого не случилось, поскольку корабль, на борту которого я находился, не пристал к берегу. Тем не менее благоприятный случай передать это письмо появился, когда наш брат, епископ Калькутты, в разговоре со мной упомянул, что он собирался отправить вам письмо на сирийском языке. Я воспользовался этой возможностью доставить ему

адресованное вам вышеупомянутое письмо, и он вложил его в свое послание. И я очень признателен за его братолюбие и уповаю на Господа, чтобы ты получил письмо в целостности и сохранности.

Я написал эти несколько строк на армянском языке, но, полагаю, наверное, там никого из моих соотечественников не будет, чтобы сообщить тебе о моей братской любви и пожеланиях; а здесь нет никого из моей немногочисленной нации, кто бы понимал сирийский, чтобы перевести, поэтому я переписал письмо на английском, который, как правило, понимают во всех областях Индии, и я надеюсь, что ты найдешь кого-нибудь на остановке твоего пути, чтоб тебе его прочли.

Я уже приготовился отправиться в Святую землю на борту египетского судна под названием Alib Rohonag; если Господу будет угодно, чтобы судно достигло Алеппи (Allepee) (как мне дано понять), то я не откажу себе в удовольствии отправить тебе и братии церкви оттуда сообщение, исполнив желание моего сердца.

Наш брат, епископ Калькутты, присоединяется к моему приветствию тебе и братии Евангелия Христова. Армянская и английская церкви Калькутты вместе приветствуют вашу церковь. Все братья обеих наших церквей приветствуют вас, а также друг друга святым лобзанием.

Пусть вашему святому служению сопутствуют здоровье и долголетие, а также благодать и мир нашего Господина Иисуса Христа, и да пребудут со всеми вами любовь Бога и Причастие Святого Духа. Аминь.

Молитесь за меня, чтобы я мог продолжить свой путь в Святой град Иерусалим.

С моим приветствием и молитвенным возношением о вас Авраам.

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 473–477.*

8. Письмо капеллана Хоу к Дж. М. Стрэчену. Неилгири, 6 января 1826 г.

Два иностранца вместе с несколькими местными катанарами (сирьяковитскими священниками) прокляли двух митрополитов [Филоксена II и Дионисия IV], управлявших местными [яковитами]. Все, разумеется, вконец запуталось. Они настолько тесно столкнулись с правительством и настолько серьезно нарушили существующие правила, что очень маловероятно, что их тут потерпят дольше, — и наши священники там, конечно, против. Одному Господу известно, чем все это кончится. Кажется, что сам сатана задумал нечто ужасное против этой интересной миссии. Давайте же усилим молитвы, чтобы он был посрамлен.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 256v.

9. Письмо капеллана Хоу к эсквайру Дж. М. Стрэчену. Нилгири, 8 января 1826 г.

Мое письмо вынудило Фенна остаться, и его присутствие в Коттаяме сейчас более необходимо, чем когда-либо.

Случилось так, что оба митрополита тогда отсутствовали: старший в своем обиталище близ Какаад, младший — объезжая по долгу службы храмы юга.

Поскольку в занимаемом митрополитом помещении хранилось много ценных предметов старины, перед своим отъездом он запер и опечатал его. Когда эти джентльмены (миссионеры) ожидали митрополита, они весьма нетерпеливо и эмоционально комментировали продолжительность его отсутствия и тот факт, что он запер помещение. Все были счастливы, когда прибыл митрополит-иностранец, и оказали ему всяческое почтение.

Лишь очень немногие из более авторитетных сирийцев посетили собрание — но из большинства церквей был позван хотя бы один человек, а также один или два из мирян. ... Они сказали «да» и воздали необходимые почести приезжему митрополиту... Затем иностранец созвал клириков и спросил, признают ли они его, на что те согласились. ...

Если мы должны слушаться распоряжений этого человека, то все акты, изданные за последние девятнадцать лет, должны быть аннулированы, хотя они одобрены организацией и правительством и охватывают период, за который в церкви было сделано больше, чем за все предыдущие годы со дня ее основания. Люди еще не решили, что им делать. Они находятся под действием детских страхов; а также есть два одиозных священника... пытающихся еще больше всех смутить.

Комментарий. Ни один из этих фактов не упомянут в письме к епископу Хеберу. Почему? Фенн утверждает: Филоксен ничего не слышал ни о каком решении, принятом на собрании; собственно, и никакого протокола от него не осталось.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 256v.

Комментарий. 3 марта следующего [1826] года м-р Фенн отправил епископу Хеберу подробный рассказ о действиях Афанасия и выбранной миссионерами линии поведения.

10. Письмо пастора Дж. Фенна к епископу Р. Хеберу. Коттаям, 3 марта 1826 г.

Немедленно по получении письма из Бомбея от Вашего Преосвященства мои коллеги и я сделали уточняющие запросы главам Сирийской церкви, а также наиболее уважаемым клирикам и прихожанам о том, каковы процедуры, принятые церковью на случай прибытия иностранного митрополита, и каковы возможные последствия его визита.

Они единодушно ответили нам, что никаких канонических сложностей возникнуть не должно; что местные митрополиты руководили бы всеми событиями церкви, пользуясь советами иностранного митрополита, который спокойно пребывал бы в одной из церквей, не вмешиваясь в управление церковью и не получая никакого дохода, помимо простой пищи.

Филоксен немедленно собрал церковный собор из клириков епархии для обсуждения последствий приезда мар Афанасия и принятия соответствующих мер.

В воскресенье во время собора Филоксен сообщил собравшимся клирикам цель встречи и попросил разрешения зачитать рекомендательные письма. Ему ответом было «да». После прочтения писем он спросил, удовлетворены ли собравшиеся их содержанием. Они сказали «да».

Когда Филоксен отказался прибыть по зову, Афанасий собрал местных катанаров, предал его обычной анафеме и запретил всем под страхом

анафематствования посещать его. Несколько человек, однако, посетили Филоксена, а тот указал им не подходить к нему близко, пока не истекнут 40 дней со дня анафемы. Впрочем, покинуть его согласились не все.

Мы спросили их (посетивших собрание, на котором мар Афанасий провозгласил анафему), что они об этом думают. Они ответили, что их законный митрополит — Филоксен и что о поведении Афанасия они горько сожалеют.

Я сказал Афанасию, что спор относительно законности возведения Филоксена в митрополиты не может быть решен без апелляции к какому-либо трибуналу и что, поскольку Филоксен действовал с согласия местного правительства, остается единственное средство (поскольку Афанасий не хотел и слышать о компромиссе) — обратиться свои жалобы и сомнения в законности рукоположения местных епископов к правительству.

Филоксен, будучи анафематствован, на несколько дней вернулся в место своего обычного пребывания на севере, отказавшись активно участвовать в управлении делами церкви до истечения 40 дней со дня анафемы. Он весьма беспокоился о том, что до правительства страны могут дойти слухи о действиях мар Афанасия через кого-нибудь, кроме него самого, и что его, Филоксена, могут вызвать на допрос по поводу происходящего. Мы предложили Филоксену, поскольку мар Афанасий не хотел и слышать о компромиссе и ни на минуту не соглашался поверить в законность власти Филоксена, подать правительству заявление о том, чтобы, если правительству будет угодно, в церкви было проведено законное расследование, приводящее к конкретному решению.

Афанасий написал длинное письмо всем церквам, упоминая, что он общался с Филоксеном и Дионисием и что они суть дети дьявола и он воспретил им вход в любую церковь. Многие церкви отказались принять это письмо и переслали его копию Дионисию, который, в свою очередь, переслал его дивану. Диван же направил к Афанасию главу полиции с бумагой, напоминающей христианам о назначении Филоксена и угрожающей им недовольством правительства в случае неподчинения.

Мар Филоксен по возвращении подробно написал о произошедшем британскому резиденту и правительству Травангора.

Еще один момент, который заслуживает упоминания, но не касается описываемой здесь сферы миссионерства, — политика и традиция поддержания максимально возможной независимости разных церквей. Эта ветвь патриархата столь далека, а отношения с ней столь обрывочны, что тесные отношения и зависимость весьма затруднены. Как и предпринимаемые сейчас попытки реформации древних церквей, это вопрос особого интереса и важности.

Поскольку прежний митрополит [Филоксен II] признан правительством страны и наделен им же правами управления некоторыми делами сирийцев, как только Афанасий начал свою незаконную деятельность, мы были вынуждены отойти от него... Вследствие чего, как понимает Ваше Преосвященство, если об этом должно быть доложено руководству церкви, то мы не хотели бы, чтобы именно через нас заинтересованным людям стало известно об участии нашего общества в происходящем. Реализуемые сейчас планы в таком случае должны быть переданы в другие руки.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 258–258v.

Комментарий. На это епископ отозвался следующим письмом:

11. Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Мадрас, 10 марта 1826 г.

Уважаемый сэръ!

Только что получил ваше весьма любопытное письмо — примите за него мою самую искреннюю благодарность. От души желал бы, чтобы хотя бы малая часть этих сведений дошла до меня, прежде чем я покинул Калькутту, — но я утешаюсь мыслью, что в письме к мар Афанасию, которое я сначала направил с м-ром Дораном, а затем переправил вам, хотя я и не сказал там всего, что мог и должен был, знай я больше, — так вот, в письме к мар Афанасию не было ничего, что могло бы навредить или помешать тем действиям, которые мне, возможно, будет позволено предпринять в качестве миротворца в отношении той любопытной малой церкви, которой вы и ваши коллеги оказываете столь важные услуги. Сейчас я готовлю второе письмо, в котором, конечно, упоминаются кипящие сейчас споры и в котором я дам сирийскому прелату лучший из возможных для меня советов и одновременно предложу свои услуги по посредничеству между ним и мар Филоксеном.

Одновременно в ожидании согласия на мое предложение я был бы вам весьма обязан, если бы вы разузнали, во-первых, о рукоположении Филоксена: когда, кто и при каких обстоятельствах сделал это. Во-вторых, какие свидетельства можно найти в церковных документах, в записках суда дивана или в предании о том, как в прежние времена принимали иностранных прелатов, какой и в какой степени властью обладали в церкви они и, несмотря на их присутствие, прелаты, избранные местной церковью.

В настоящее время я особенно нуждаюсь в дополнительных данных, поскольку вижу, что ваш рассказ о приключившемся по прибытии трех сирийцев — Василия, Григория и Иоханна — отличается от того, что написано у Павлина. В-третьих, вы меня обяжете, сообщив, каково, по вашему мнению, преобладающее настроение у клира и народа малаяли в отношении соперничающих мнений Филоксена и Афанасия.

Ваш ответ, вероятно, застанет меня в Мадуре, где я рассчитываю пробыть с 13 по 20 апреля. 8 и 9 мая я надеюсь, с Божьей помощью, встретиться с вами в Коттаяме. И, если мое посредничество будет принято, я бы настоятельно рекомендовал, если это можно сделать без серьезных затруднений, созвать общий собор всего сирийского клира — либо от имени Vanu (?), либо общим желанием Афанасия и Филоксена (обоих, чтобы предоставить им возможность свободно и безбоязненно высказать свои чувства и, если кто-то сошлется на мое решение или на решение правительства, чтобы они понимали основу этих решений и были с ними согласны). Я очень переживаю, чтобы английский клир в таком случае проявил себя только как податель советов, и желал бы, чтобы каждое из наших предложений было упомянуто на описанном мною в качестве крайней меры соборе и решалось путем баллотировки или тайного голосования.

Что касается места, где можно будет провести подобный собор, здесь вам виднее, чем мне. Я предполагаю, что в столь небольшой и малонаселенной епархии сложностей с этим возникнуть не должно. Если встанет вопрос с бедностью участников собора, то я мог бы сам, в случае необходимости и уместности, оплатить их расходы.

Что касается всего остального, то наверняка им бы не понравилась идея моего председательства на таком соборе. Кого бы они ни избрали

председателем (Prolocutor), я бы с готовностью предложил себя в качестве его помощника и советника по вопросам христианского церковного права. Впрочем, вы премного меня обяжете, сообщив мне ваше мнение по этому вопросу как можно скорее и не ожидая получения от меня упомянутых документов, чтобы я при необходимости мог заранее принять меры и заручиться указаниями и помощью резидента местного правительства.

Мне было чрезвычайно огорчительно узнать, что Афанасий демонстрирует столь извращенный и вспыльчивый характер. Однако я надеюсь, что благодаря мерам, о которых я упоминал в своем прошлом письме, намерения и его, и вашего дорогого друга Филоксена, характер которого представляется подлинно епископским и христианским, могут быть приведены к согласию ради сохранения мира в церкви.

Я нисколько не преуменьшаю сложностей, вызванных связью этой церкви с Сирийской церковью; я также порадовался бы, при удобных обстоятельствах, независимости Церкви малаяли от всех иностранных или светских властей. Но те затруднения, которые она часто испытывала в отношении поддержания преемственности епископов, нынешние предубеждения в пользу Антиохии и сомнения, существующие в определенных кругах относительно истинности рукоположения Филоксена, делают такую меру в настоящее время преждевременной и даже неразумной. Я убежден, что если существующая система внезапно будет разрушена, то обильный урожай снимет с этих мест не англиканская церковь, а католическая. ...

Что касается дальнейших действий, нацеленных на примирение или достижение справедливости, то я буду рад получить ваш совет и совет ваших братьев во Христе. Относительно линии поведения, избранной вами в данном отношении и описанной в вашем письме, мне приятно сказать, что я не вижу в ней ничего достойного сожаления и ничего, что принижало бы значимость истинно христианских услуг, оказываемых вами добровольно Сирийской церкви, кто бы ни стал в итоге здесь ее главой. Тем не менее буду с вами откровенен и признаю: если бы ваши мотивы были ложно истолкованы теми, кому вы оказываете услуги, и если бы ваши усилия были встречены с подозрением и неблагодарностью, я бы уверенно рекомендовал вам немедленно удалиться от тех, на чье благо вы работаете, убедив народ малаяли, что вы прибыли лишь ради их блага, и в полной уверенности, что английских миссионеров будет очень недоставать и их скоро позовут обратно; в любом случае будет лучше, чтобы они нуждались в вашей помощи, а не мирились с вашим присутствием с явной неохотой.

М-р Доран, я говорю это с радостью, решил примкнуть к моему маленькому лагерю во время поездки в Траванкор. Это молодой человек с приятными манерами и характером, наделенный изрядными талантами. Он может далеко пойти в своей благой деятельности, если на то будет Божье благословение и если его здоровье, довольно слабое, позволит ему остаться в Индии.

С той минуты, как я начал это письмо, мне были нанесены два визита: один вчера, другой нынче утром, 11 и 12 марта, — от м-ра Райана, который заверил меня в принятии и популярности нового митрополита среди клира и людей, а также в полном неведении о тех актах ярости и алчности, которые, согласно вашему описанию, приписываются мар Афанасию и его рабану.

Его слова вселяют в меня надежду, что я неверно понял пропуск в вашем описании того, как были получены подписи. Отдавая должное м-ру Райану, скажу, что он говорит о вас с большим уважением, хотя и признает, что

не объяснился с вами относительно своих действий в последнее время. Он, очевидно, настолько ярый сторонник Афанасия, что мне не следовало придавать большого значения его словам, если только питаемое им в вашем отношении восхищение не доказывает, что он не способен на преднамеренную ложь. На самом деле его рассказы как о настроении Церкви малаяли, так и о возможных сложностях, с которыми может столкнуться ваша миссия, весьма усилили мое желание прибыть в Коттаям, как только мне позволят это сделать иные дела. Я, м-р Робинсон и м-р Доран отправляемся в дорогу завтра.

Надеюсь, у вас будет приятная возможность передать мои наилучшие пожелания и благословение вашим товарищам по труду миссионерам Бейли, Бейкеру и Ридсдейлу.

Верьте мне, уважаемый сэръ! Ваш и их надежный друг и слуга во Христе

Реджинальд, епископ Калькутты.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 240–245.

12. Объяснение Томаса Робинсона.

[Б. м., б. д.] [после 3 апреля 1826 г.]

Письмо мар Афанасию, о котором упоминает епископ, было вверено в Калькутте мистеру (впоследствии — доктору) Дорану, который на тот момент только что прибыл из Англии и собирался примкнуть к миссии в Траванкоре. Он счел это своеобразным рекомендательным письмом к Афанасию, которое ему следовало доставить лично, и поэтому хранил его у себя на всем протяжении двухмесячной задержки в Мадрасе. Сам епископ Хебер затем прибыл в Мадрас, и м-р Доран вернул ему письмо. Епископ не выразил сожаления о том, что письмо не было перенаправлено адресату. Напротив, Его Преосвященство сердечно ободрил м-ра Дорана и пригласил его поехать вместе с ним в Траванкор.

Это письмо не было доставлено м-ру Фенну до тех пор, пока мар Афанасия не арестовало местное светское правительство и не запретило ему находиться в Траванкоре по причине его агрессивного и незаконного поведения. Письмо прибыло, по сути, в последний день перед его отбытием, когда его резиденция была уже окружена полицией. М-р Фенн в этих обстоятельствах не взял на себя смелость передать письмо Афанасию; он решил, что и автор-епископ не поручил бы ему это. Впрочем, он сообщил Афанасию об ожидаемом прибытии епископа Хебера в Траванкор и посоветовал ему до этого момента оставаться в Кочине, расположенном на границе Траванкора. Однако Афанасий заявил о своем намерении вернуться напрямую в Сирию.

М-р Фенн рассказал об этом епископу. Его Преосвященство также получил полные сведения обо всем происходящем как от упомянутого в предыдущем письме джентльмена, так и из других источников в Мадрасе.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 245–246v.

13. Письмо Дж. Дорана к Н. Бунгало Смолли, 14 марта 1826 г.

Уважаемый сэр!

Вы, конечно, будете несколько удивлены, получив от меня весточку отсюда. После прибытия моя работа здесь была прервана обстоятельствами столь же неприятными, сколько неожиданными, а именно прибытием в Коттаям митрополита Антиохийского патриархата [мар Афанасия]. Пока ситуация между враждующими и конфликтующими сторонами оставалась непроясненной, наш комитет полагал, что для меня не будет целесообразным посещать эту страну, поскольку присутствие чужака могло, по всей вероятности, вызвать волнения и, более того, вынудить того принять одну из сторон, что в конечном итоге было бы пагубным решением. Увы! Как превратен этот мир, как мало мы знаем о том, что принесет нам день, год или час! Как часто оказываются развеяны наши ожидания и самые продуманные планы...

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 256–256v.

14. Письмо епископа Р. Хебера к сэру Ч. Вильямсу Винну. Лагерь вблизи Чидамбарам (Карнатик)²³, 21 марта 1826 г.

Дорогой Винн!

Было действительно несколько причин, по которым мое присутствие здесь оказалось крайне желательным, а также ряд других, характерных для этой страны, которые не могут не представлять для тебя интереса. Вы в курсе весьма значительного числа (я полагаю, около 40 000) христиан-протестантов в разных частях этого округа, являющихся духовными чадами Шварца и его последователей, и все на данный момент в единстве с англиканской церковью.

Эти люди, являясь христианами, тем не менее очень многое сохранили из своих древних обычаев, особенно в отношении кастовости, и здесь, и на Цейлоне они соблюдают с непоколебимой твердостью, которую я редко наблюдал в Бенгали и которая почти так же четко проводит отличие шудры от христианина-парии²⁴, как это делали те же самые люди во времена поклонения Вишну и Шиве. Прежняя школа миссионеров терпимо относилась к этому моменту, считая его сугубо гражданской темой, связанной с родословной и мирским различием, в надежде на то, что когда их новообращенные поднаореют в вопросах веры, то подобные различия сотрутся.

Этого не произошло; но, с другой стороны, некоторые молодые миссионеры, из числа немецких и английских, не только горячо проповедовали против кастового деления, но и в управлении своих школ, и в организации своих конгрегаций всячески препятствовали этому явлению. Они сделали даже больше: вмешавшись во многие древние модели, которые использовались

²³ Чидамбарам (Chillumbrum) – старинный храмовый город, считается сакральным местом у индусов. Карнатик (Carnatic) – историческая область в Индии.

²⁴ Шудра – самая низшая из четырех варн (сословий) в Древней Индии. Пария – одна из неприкасаемых каст в Тамилнаде на юге Индии. Кастовое деление в Индии: ученые – брахманы, воины – кшатрии, земледельцы – вайшья, шудры – слуги и каста, находящаяся за пределами общественного деления, – это каста неприкасаемых (парии). Парии работают на самых грязных работах, им не позволяют часто заходить в храмы. С ними стараются не взаимодействовать.

этими людьми в их брачных церемониях и домашних празднествах и которые они расценили как языческие, один из них зашел так далеко, что в качестве наказания заставлял школьника из высокой касты пить воду из чаши парии.

Развернутая жалоба на эти вещи, написанная на отменном английском и с длинной вереницей подписей, была отправлена мне конгрегацией Вепери²⁵ некоторое время назад, и на данный момент у меня много подобных заявлений от разных людей и конгрегаций юга. Сложность будет заключаться в том, чтобы выяснить, до какой степени кастовое чувство является гражданским, а не религиозным и насколько иные опротестованные практики действительно безнравственные или идолопоклоннические.

На эти темы я настойчиво навожу справки и надеюсь в ходе своего путешествия максимально приблизиться к пониманию истинного положения вещей — настолько, чтобы по крайней мере предотвратить любой крупный скандал и существенно не нарушать то, что я разумею под естественным правом новообращенного в веру жить во всех безразличных вещах так, как он сам предпочитает и как предпочитали до него предки. Обе стороны, очевидно, виновны, и обе, имею основания полагать, уже отказались от части вещей в своих претензиях. Высшая каста индусов, например, выдвинула одно из самых диких требований — иметь отдельную чашу для причастия. А главы миссионерских приходов, как мне представляется, проявили не менее заслуживающее порицания неуважение к чувству своей паствы и злобное, ограниченное отвращение к таким явлениям, как веселье и забава, когда эти вещи обретают иную форму, нежели привычную для них. И какой-нибудь веночек из цветов, используемый в свадебных церемониях, описывается мне почти как сатанинский предмет.

Священник как раз написал мне жалобу, что датское правительство Транкебара²⁶ не позволит ему отлучить от Церкви Христовой некоторых молодых людей за ношение масок и участие, кажется, в рождественской пантомиме или, по меньшей мере, в некоторых частных деревенских постановках. Если это грешно, в таком случае да помогут Небеса грешникам! Надеюсь, Вы не предположите, что я как-то поддерживаю подобный род церковной тирании или соглашусь с человеческим сознанием, обремененным ограничениями, столь чуждыми жизнерадостному евангельскому духу.

Впрочем, протестанты не единственные люди, чьи разногласия я должен уладить. Малайлийские, или Сиро-яковитские, церкви в Траванкоре также «похлают» в огне, и я, видимо, должен выступить у них посредником.

Вы в курсе, что связи этих церквей с антиохийскими патриархами много лет назад были прерваны из-за частично насильственно предпринимаемых португальцами мер и происков миссионеров, разосланных пропагандистами, но еще больше по причине бедности христиан Траванкора, которая лишила их возможности так далеко отправлять посланников или оплачивать расходы зарубежного митрополита. Соответственно, в течение приблизительно 50 лет яковитские епископы Траванкора были значимы в стране и сменяли друг друга на основании своего рода внутреннего назначения, каждый прелат вскоре после своего избрания на престол рукополагал помощника *cum spe successionis**.

²⁵ Вепери — район-пригород на севере Ченнаи в Индии. Христианские миссионеры появились здесь в 1749 г.

²⁶ Транкебар — город, датская колония в Индии, располагавшаяся в 250 км от г. Мадраса.

* «В надежде преемства» (лат).

Нынешнего митрополита зовут Филоксен, и его помощника, заведовавшего в течение нескольких последних лет большей частью дел епархии, зовут Дионисий; оба они, особенно первый, люди высоких черт характера, оба благочестивы и обладают ожидаемым для восточных монахов уровнем познания. Тем не менее в прошлом году публикации, касающиеся этих людей в Европе (особенно Бьюкенена), кстати, были отмечены, как говорят, скандальными перегибами, по-видимому, они стали известны в Сирии и привлекли внимание патриарха к этой отдаленной части его паствы.

Таким образом, два сирийских монаха по имени Афанасий и Авраам с титулами митрополита и «рамбана», или архидиакона, прибыли в Бомбей в то время, когда я здесь находился. Они направлялись в малайзийские церкви с назначением на должности от патриарха, «восседающего на престоле Симона Кифы, находящегося в Антиохии».

Поскольку моим стремлением всегда было примирять и поддерживать оказавшихся в Индии восточных христиан, то мы оба, я и архидиакон Барнс, выказали им всяческое почтение и расположение, какие только смогли. Мы были в хороших отношениях настолько, насколько это было возможно людям, не говорящим на одном языке. Незнакомцы разговаривали только на арабском языке, и все наше общение происходило через переводчика.

Они посетили церковь без приглашения и приняли причастие из моих рук; по такому случаю я уступил свою собственную кафедру, и мы по-братски обнялись у церковных врат после службы.

У меня имелись некоторые опасения насчет способа, которым новый и прежний митрополиты могут уладить свои разногласия, но я считал себя обязанным обеспечить Афанасия средствами на путевые расходы на оставшуюся часть его поездки, а также рекомендательными письмами к английским миссионерам, обосновавшимся в Алеппи и Коттаяме. Поставив их в известность почтовым отправлением о направляющемся к ним госте, я со своей стороны дал Афанасию дельный совет о умеренности, с которой ему стоило бы в нынешних обстоятельствах заявлять свои требования.

Миссионерам я самым серьезным образом велел не принимать участия в любых потенциальных спорах, если у них будет возможность избежать этого, и безоговорочно признать, со всеми надлежащими знаками уважения и доверия, какого бы патриарха ни получило большинство малайзийских церквей.

В какой степени каждая из сторон прислушалась к моим советам, я пока еще плохо понимаю. Миссионеры утверждают, что Афанасий, а еще более — его рамбан стали просто подстрекателями в стране, что они изгнали обоих — митрополита и его помощника, угрожали им личной насильственной расправой; отменили установленные порядки, расторгли браки, переделали внутреннее убранство церквей, не слушали никаких советов, кроме некоего недовольного «малпана» или доктора, несколько лет назад лишившегося надежды стать помощником вместо Дионисия.

С другой стороны, Афанасий написал мне, чтобы горько пожаловаться на прием, оказанный ему митрополитами (которым, как признает, действительно, «за их ложь и колдовство посылал проклятия и от своего имени, и от имени святого патриарха, и от имени князя апостольского, Симона Кифы» и т.д.). Жаловался он также и на прием «английскими священниками, о которых ты говорил мне, и человека, который является повелителем земли, даже Траванкора», т.е., я полагаю, речь идет о министре рани [Гури Парвати Бай] или английском резиденте.

В то же самое время мне поступила жалоба из других районов, что миссионеры хотя и очень доброжелательные и достойные люди, но действительно находились под сильным влиянием своих дружеских чувств к митрополиту-сопернику Филоксену, и я больше склонен полагать, что нечто подобное как раз и имело место, видя тот решительный тон, какой резидент и рани допускают, запрещая Афанасию выполнять его обязанности, хотя он признан большинством народа (как я уверен), и угрожая ему высылкой из страны.

Последнюю указанную меру я отложил по крайней мере до того момента, пока сам не смогу попробовать уладить разногласия или установить реальные желания Малайялийской церкви, которая между тем совершенно полыхает, но выразила, как я понимаю, общее желание, чтобы английский епископ решил этот вопрос.

На мой взгляд, путь решения данного вопроса, — это собрать Синод их духовенства, где необходимо открыто обсудить разногласия соперничающих митрополитов и обычаев их церкви и проголосовать по бюллетеням. Каким бы досадным и прискорбным ни стал бы повод для подобного собрания, это будет для меня чрезвычайно занимательно и любопытно, поскольку я не мог и надеяться столь близко познакомиться с этой самой древней и интересной церковью, которая, как бы она ни была искажена в доктрине и погружена в плачевное невежество, по всей видимости, сохраняет близкое сходство в своей форме и условиях сообщества с христианским миром в третьем и четвертом столетии после пришествия нашего Спасителя, чем любая другая из ныне существующих церквей.

Меж тем я решил посетить гражданские и военные объекты, следуя почти тем же путем, что и епископ Миддлтон в 1816 г., надеясь достичь Траванкора в начале мая и вернуться в Мадрас путем, которым он не проходил, через Майсур, Бангалор и Аркот²⁷.

Страна в той мере, что я уже успел проехать по ней (хотя в целом неплодородная и почти повсеместно равнинная), настолько красива, насколько пальмы, раскидистые насаждения и тщательное культивирование могут ее такой сделать, а старинные индусские храмы хотя и уступают в искусности изумительным мусульманским строениям, описание которых я отправил с северо-запада Индии, но по размерам, живописному эффекту и богатству резьбы намного превосходят любые другие, которые я ожидал встретить.

Здесь в г. Чидамбараме (город на полпути между Куддалором и Танджором)²⁸ находится храмовый комплекс Шивы, весь окутанный своими квадратными дворами, крытыми галереями, «коридором из 11 сотен колонн», а также другими строениями, которые окружают его святилище — огромное пространство земли, более чем равное площади христианской церкви. И если их настоятель (который сам, кстати, как ни странно это покажется, принадлежит к низшей касте) говорит правду, то с духовенством не менее чем 300 брахманов. Тем не менее место, хотя и небольшое по размеру, интересовавшее меня более всего по связанной

²⁷ Город Бангалор — столица штата Карнатака на юге Индии, Майсур — город на юго-востоке страны в штате Карнатака.

²⁸ Чидамбарам (название от «чид» — «сознание», «амбарам» — «расширение небес») — город в Тамил-Наду, одно из сакральных мест Индии в 150 милях от Мадраса, где находится храм Шивы VI в. до н.э.; Куддалор — индийский округ.

с ним ассоциации, — это Махабалипурам²⁹, «город великого Бали», с его руинами, омываемыми прибоем, и захватывающей историей его подводных дворцов.

Я надеюсь когда-нибудь найти время составить более подробные и четкие впечатления. Но, безусловно, я не даром ем свой хлеб в этой стране. Начиная с момента моего прибытия в Мадрас, чуть более трех недель назад, я проповедовал 11 раз (включая мою обязанность инспекционного объезда), провел четыре публичных и одну частную встречи, проехал 60 миль на паланкине и 140 миль верхом, и это не считая довольно объемной переписки с правительством, разными миссионерами и капелланами и моим сирийским братом мар Афанасием. Причем термометр в нынешний момент показывает 98 F в тени*. Тем не менее благодарю Господа, что я продолжаю в целом радоваться такому же хорошему самочувствию, каким оно всегда и было в Англии. Как бы я ни был занят, но моя деятельность в основном та, что мне по душе и связана с моими предыдущими занятиями. Страна, предметы, люди вокруг меня — все это в некотором смысле является поощрением и вознаграждением моему любопытству более, чем большинство других вещей в мире, и хотя, увы, бывает много моментов в течение дня (конкретнее — сейчас, когда я разлучен с женой и детьми), в которые я остро ощущаю мою оторванность, однако я был бы очень неблагодарным человеком, если бы не считал себя счастливым. Да будет воля Небес на то, чтобы я не оказался бесполезен! Когда я был в Калькутте, Вы много сделали для меня, отправив сюда Грея, рад сказать, что он популярен, как того и заслуживает.

Примечательно, что сейчас случилось так, что все три главных судьи (chief justices) в одно со мной время были в Оксфорде, и я всегда был в дружеских отношениях со всеми, хотя один только Грей был поистине близок мне.

Лорд Комбермер во время своего пребывания в Калькутте стал чудесным дополнением в нашем кругу, и я действительно полагаю, что более подходящей кандидатуры для выполнения самой сложной и важной задачи, которая возложена на него, Вам не найти с его здравомыслием, готовностью решать вопросы и открытостью, которых было достаточно, чтобы приобрести отменную репутацию в армии компании еще до его успеха в Бгуртпуре³⁰. Похоже, что в настоящий момент он пользуется более высокой репутацией, чем любой командующий войсками округа со времени лорда Корнуоллиса³¹ или иной офицер, появившийся в Индии, за исключением сэра А. Веллесли³².

²⁹ Махабалипурам — город на Коромандельском берегу в индийском штате Тамилнад, в 60 км к югу от Чиннаи.

* +37,8 °C по шкале Цельсия.

³⁰ Речь об армии Ост-Индийской компании. Бгуртпур (Бхаратпур) — город в северо-западной части Индии.

³¹ Имеется в виду лорд Чарльз Корнуоллис (1738–1805) — британский военный и государственный деятель, занимал пост генерал-губернатора Ост-Индийской компании и был главнокомандующим британскими войсками в Индии.

³² Речь идет об Артуре Веллесли (Уэлсли) (1769–1852), британском государственном и военном деятеле, фельдмаршале, который занимал должность премьер-министра, участвовал в наполеоновских войнах.

Действительно странно, сколько важности придавалось крепости Бгуртпура. Томас Манро говорит мне, что даже в Карнатике местные принцы не поверят, что ею вообще возможно овладеть или что джатам³³ не суждено стать сплывающим центром в Индии, а ведь они, несомненно, судя по тем немногим из них, что я видел, входят в число ее лучших рас.

Сейчас я жалею, что не посетил Бгуртпур. Я был неподалеку и переписывался с раджой, но слишком торопился добраться до Джайпура, чтобы принять его приглашение.

Сэр Томас Манро — человек выдающегося таланта, везде признанный и уважаемый всеми теми, от кого я до сих пор о нем слышал; в личном отношении он сделал мне много хорошего.

Реджинальд Калькуттский.

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 451–457.*

15. Письмо епископа Р. Хебера к мар Афанасию. Лагерь на Коромандельской территории, 22 марта 1826 г.

Моему дорогому брату во Христе, почтенному среди епископов мар Афанасию, митрополиту индийских церквей, придерживающихся сирийского вероисповедания, Реджинальд, Божьим соизволением епископ Калькуттский, желает здоровья, мира и процветания в жизни земной и вечной. Аминь!

Это второе письмо я пишу тебе, мой возлюбленный в Господе брат, намереваясь сообщить, что по милости Божией я добрался до региона Мадрас, куда мне следом было отправлено твое письмо, прибывшее в Калькутту уже после моего отъезда оттуда. Я был рад узнать о твоем благополучном прибытии и добром здравии среди церквей твоего народа, но все же мне очень тяжело и горько на душе слышать, что враг посеял вражду между тобой и нашими братьями Филоксеном и Дионисием, руководившими и направлявшими церкви Траванкора в прошлом, когда многие годы не поступало никаких известий из Антиохии.

И народ Господень (ради которого воскрес Бог вести свое стадо Христово) был рассеян, словно стадо овец без пастыря. Пусть данное обстоятельство побудит твое сердце выказать им благосклонность, и да сподвигнет их добрый дух Божий воздать тебе весь должный почет и повиновение как ради тебя самого, так и ради того, кем ты был отправлен!

К тому же я разговаривал по твоему делу с находящимся в Мадрасе его превосходительством английским губернатором [сэром Томасом Манро], ему доносили различные вещи против тебя, на что я ему сказал: «Афанасий — мой брат, пока он находился в Бомбее, он безукоризненно проявил себя во всех отношениях, и, говоря правду, он имел при себе письма от почтенного отца во Христе патриарха Антиохии; возможно, все услышанное вами является ложью. Тогда почему его следует изгнать из страны? Вот и сейчас я даже держу путь на юг в Трихинополи и Квилон, и, может быть, мне удастся примирить его с братьями. Я прошу вас изложить все это примерно так, как я сказал, королеве Траванкора и живущему в Квилоне помощнику»; и губернатор написал, как я хотел.

³³ Джаты — этническая группа в Индии.

В связи с чем, мой почтенный брат, когда я достигну границ вашего края, а по милости Божией надеюсь, что это произойдет через 40 дней, мое желание — это иметь возможность стать показателем мира между вами. Мной движет не тот факт, что я имею власть, поскольку я являюсь чужим в вашей церкви, движут не желание повелевать кем-то, кроме своего народа, и не имеющаяся у меня мудрость причина тому, ибо я с удовольствием научился бы у вас истине, но руководствуюсь я тем обстоятельством, что я есть ваш брат во Христе и служитель церквей Христовых, а также моим желанием, как когда-то Мардохей³⁴, мирно говорить со всеми детьми Бога и сказать вам, чтобы вы боролись вместе, как Моисей сказал евреям: «Вы братья, зачем обижаете друг друга?».* Мой совет таков — чтобы все малпаны (религиозные учителя в Сиро-яковитской церкви) и катанары, также ты сам, братья Филоксен и Дионисий вместе должны прийти встретить меня в одном месте, хоть в Коттаяме, и рассказать об обычаях церкви и все связанные с этим вещи, а также чтобы все люди могли открыто и безбоязненно высказать свое мнение. Я привезу с собой ученых мужей, говорящих и на арабском языке, и на малайяламе (но не из числа направленных ранее в колледж Коттаяма священников), и смогу слышать, что говорят обе стороны и что ты хочешь мне сказать лично.

Меж тем как есть некоторые люди, заявляющие, что Филоксен не является епископом, а также те, кто говорит, что он был посвящен в сан возложением рук и Святым Духом, даже если и был, то это обстоятельство должны засвидетельствовать очевидцы, и волеизъявление церкви будет обнародовано, кому же они предпочтут повиноваться. Меж тем, поскольку о тебе, брат мой, было сказано, что «он жестокий человек и стремится изменить распорядки и уставы», позволь мне просить тебя быть терпеливым, если в дни тьмы и раздора что-то сделано неверно, то ожидай часа, когда твоя власть укрепитя и Господь приведет тебя к процветанию. Говорю, словно я мудрец.

Тебе известно, что первосвященники не сразу были отделены от Израиля; насколько менее значительны те, кого епископ посвятил в сан, хотя и в отсутствие и без разрешения Антиохии. Подобно тому как во времена царя Давида и Садок, и Авиафар — оба являлись первосвященниками в скинии, хотя истинным священником, владеющим урим и туммим, был только Авиафар, сын Ахимелеха³⁵, и здесь может стать так же. Что ты будешь помазан и бремя власти будет возложено на твои плечи, но все же почетное место подле тебя может быть отдано тем, кто вел стадо Христово

³⁴ Мардохей — персонаж Ветхого Завета. Сыграл важную роль в истории Есфири, с его помощью ставшей царицей и спасшей еврейский народ.

* Деян. 7, 26; Исх. 2, 13.

³⁵ Садок — библейский персонаж, упоминается в Священном Писании. Достиг звания первосвященника при царе Давиде. Он помазал на царство Соломона; Авиафар — иудейский первосвященник, в Израиле в одно и то же время были два первосвященника — Авиафар у царя Давида и Садок у Саула. С воцарением Соломона Авиафар был лишен звания первосвященника, которое закрепилось исключительно за Садоком. Скиния (или шатер) — это переносное святилище, в котором со времени дарования израильтянам Закона на Синае обитал Господь. Другие названия — жилище или шатер Закона, дом Господа. Наиболее употребляемое из них — «скиния собрания», т.е. место откровения Господа; урим и туммим — упоминаемые в Библии атрибуты, при помощи которых первосвященники от имени царя или народа вопрошали Господа; находились внутри наперсника, который носил первосвященник.

до твоего прихода (но об этом мы можем побеседовать, как представится случай). Если кто-то обидел тебя, скажи мне об этом без страха, разве я не брат тебе? Даже если обидевший тебя будет из моего народа, поскольку я обладаю властью, то без внушения он не уйдет.

Приветствуй от моего имени епископов Дионисия и Филоксена, я называю их епископами ввиду того, что об этом свидетельствовали различные верные признаки, и я полагаю, что они безусловно могут считаться епископами. Приветствуй раббана Исаака, твоего и моего попутчика, с которым я встретился в Бомбее. Приветствуй малпан и катанар. Священники Томас Робинсон и Джон Доран (насчет которого я тебе писал) приветствуют тебя. Джон истинно был болен в Мадрасе, почему мое письмо и задержалось. Однако сейчас он восстановился по Божьей милости и находится со мной в поездке.

Абуна мар Симеон Армянский, который был с нами в Бомбее и сейчас вновь был со мной в Мадрасе, приветствует тебя.

Мир и благодать Бога и нашего Иисуса Христа да пребудут со всеми вами!

Если ты хочешь что-то мне написать, то отправляй свое письмо в г. Паламкоттаи.

Написано на Коромандельской территории, поблизости от города Алумбура.

Епископ Реджинальд.

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 476–479.*

16. Письмо епископа Р. Хебера к митрополиту Филоксену. 27 марта 1826 г.

Почтеннейшему среди епископов Филоксену, Богом поставленному быть проводником и пастырем индийских церквей, придерживающихся сирийского вероисповедания, желает здоровья, благодати и много процветания от Бога и Господина нашего Иисуса Реджинальд, по Божьему позволению епископ Калькуттский.

Мой возлюбленный в Господе брат, от многих свидетелей я слышан о сотворенных тобой делах и твоём страдании, а также явленном для Церкви Христовой труде любви среди народа малаяли в то время, когда от церкви в Антиохии не поступало известий, а здесь было много опасностей и много горя изнутри и извне, по правую сторону и по левую, от идолопоклонников и лживых собратьев.

Я слышал также, что ты избрал мудрого и святого человека, как брат Дионисий, судить людей на твоей территории и преподавать им безупречное и абсолютное учение Христа, что ты утвердил этого человека для такой работы возложением рук, чтобы та благодать, что тебе дарована, не пропала и чтобы после твоей кончины в Израиле не нуждались в очевидце истины до тех пор, пока Господин виноградника не вернется рассчитывать со своими слугами.

Об этом факте также стало известно преподобному отцу в Господе Томасу Миддлтону, бывшему еще до моего появления здесь епископом

Калькуттским и английских церквей в Индии, он видел ваше служение и пребывавшую среди вас благодать Божию, был обрадован и говорил об этом всем руководителям нашего народа. Настолько, что слава Господа стала известна не только на земле Феринджистан (Feringistan), принадлежавшей Киттиму, Аскеназу и Гомеру³⁶, но и на нашей собственной земле Британии, где в былые времена проповедовал апостол Павел, после того как побывал в Испании, так же как у вас апостол Фома, чья память и по сей день прославлена среди индийских церквей.

По этой причине также, узнав о вашей любви, истине и терпении вашей братии, святой отец во Христе патриарх Антиохийский направил нашего брата Афанасия передать вам свои письма и засвидетельствовать все, что у него на сердце, как истинный епископ и проповедник Евангелия; с его приходом, когда я услышал то же самое в Бомбее, мое сердце возликовало в надежде, что через общение с ним вы сами и паства ваша могли больше укрепиться в вере, а любовь — необычайно возрасти вместе со знанием. Откуда тогда среди вас, братья, войны и зависть? Бог есть Бог мира, а не раздора; Бог порядка, а не разлада.

Из-за всего этого имя Христово попирается среди иноверцев, а души многих людей обратятся к опасным ересям, распространяемым находящимися в Кранганоре и Вераполи священниками римского епископа, от которых в прошлом этот народ претерпел много бед. Итак, позвольте мне, братья, именем Христовым просить вас примириться друг с другом до самого конца, в почете отдавая предпочтение друг другу, и каждому желающему занять низкое положение, чтобы вы могли пожать плоды чрезмерного бремени славы в будущем. Принимая же во внимание, что в народе произошел раскол: один стал за Филоксена, а другой следует за Афанасием, — мой совет таков, что большинство должно собраться вместе, и священники колена Аарона и святых Левитов³⁷, являющиеся диаконами, были созваны в одно место, чтобы открыто заявить в соответствии со своими имеющимися знаниями об обычае ваших отцов, а также кому они будут повиноваться как своему епископу и истинному пастырю. Как это указано в Святом Писании, «если ты имеешь что-то против брата твоего, скажи это Церкви, а если он Церкви не послушает, то да станет он тебе как язычник и мытарь»*.

В это время, если вы сочтете это уместным, я буду присутствовать с вами в Коттаяме не как владыка, ибо я чужой среди вас, не как судья, ибо кто я такой судить кого-то, кроме собственного народа? Но как брат во Христе и подлинный свидетель того, что должно быть определено, а также как лицо, имеющее возможность ходатайствовать о деле вашего народа перед

³⁶ Здесь — отсылка к библейским персонажам — Гомеру, сыну Иафета и внуку Ноя; сыну Гомера и внуку Иафета Аскеназу и Киттиму, также внуку Иафета, которые, согласно А.П. Лопухину, считаются родоначальниками индоевропейского народа.

³⁷ Аарон — первый ветхозаветный первосвященник, брат пророка Моисея, он был основателем единственного законного рода священнослужителей. Потомки Аарона получили право наследовать первосвященство. Священников Израиля именовали «домом Аарона»; Левиты — часть евреев, потомки колена Левия. В широком смысле называются все потомки Левия, в т.ч. священники. В узком смысле под левитами понимают тех членов колена Левия, которые не происходили от Аарона. Из левитов набирались служители (певчие, музыканты) в переносном храме (скинии), позднее — в Иерусалимском храме.

* Мф. 18, 15–17.

королевой Траванкора и его превосходительством губернатором, которого английский король поставил во главе городов Индии.

Ввиду того что на тебя поступала клевета, что ты действительно не являешься епископом, пусть этот факт также засвидетельствуют два-три очевидца, а также пусть твое сердце не смущается, что я знал нашего брата Афанасия в Бомбее, ибо я намеревался по милости Божией не узнавать никого по плоти, а следовать в этих вопросах согласно воле Бога и традиции церкви, а также мирно общаться, если это возможно, с вами обоими (разве вы оба не братья?) и, если возникнут разногласия, признать того, кого твой народ свободно изберет собой повелевать.

В течение 40 дней я надеюсь сделать все, что в моих силах, чтобы до вас добраться.

Помолитесь за меня, братья! Приветствуйте во имя мое нашего брата епископа Дионисия, а также пребывающих с вами братьев, малпанов и катанар со всеми остальными членами церкви. Приветствуйте нашего брата Афанасия. Дай Бог, чтобы вы пребывали в единстве друг с другом. Находящиеся со мной братья и Томас Робинсон (который в прошлом известен до епископа Афанасия), и Джон Доран приветствуют вас.

Благодать, милость и мир да пребудут с вами и в Божьем Израиле! Аминь.

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 479–482.*

17. Письмо Т. Робинсона к У.Х. Миллю. 27 марта 1826 г.

У меня сложилось от произошедшего в Коттаяме следующее впечатление: обе стороны находились в заблуждении и в соответствии с ним действовали честно. Мар Афанасий действовал достаточно несдержанно, что наверняка проистекало от его незнания местного языка и обычаев, а также осознания авторитета, полученного им от Антиохийского патриархата.

Упомяну м-ра Райана, ирландца, которого мы встретили в Мадрасе, прежде чем покинули город, и с которым имели весьма любопытный разговор, еще более затрудняющий понимание происходящего: его свидетельство по многим пунктам прямо противоположно свидетельству Фенна, и все же, хотя он покинул миссию по собственному желанию, у него при себе было письмо от Фенна, чрезвычайно высоко его ценившего.

Райан утверждает, что по прибытии Афанасия оставили без внимания: оба епископа отсутствовали, и его потребности как иностранца не были удовлетворены как следует; что Афанасий не вел себя агрессивно; что Филоксен собрал христиан, чтобы зачитать им письмо патриарха; что по его прочтении они все как один, почти единогласно и совершенно добровольно признали Афанасия и что все люди на его стороне.

Фенн утверждает, что Райан действовал как партизан, приватно общался с Конаттой Мальпаном и что Филоксен жаловался Фенну на поведение Райана.

Поведение Афанасия заставило резидента желать, чтобы диван приказал тому покинуть страну, и Афанасий так и сделал. Фенн не упоминает, находится ли он до сих пор в Кочине или нет. Он лишь сообщает, что Афанасий покинул Траванкор.

Меня весьма беспокоит задержка Фенна в доставке Афанасию письма нашего епископа. Он так долго медлил, что, когда епископ написал

повторно, чтобы заставить его доставить письмо немедленно, кажется, было уже слишком поздно. В своем письме от сегодняшнего утра (27-го числа) он пишет, что письмо Вашего Преосвященства не было доставлено по причине его отбытия из Траванкора.

Когда епископ услышал о насильственных мерах, примененных Афанасием, он написал ему второе письмо, находясь все еще в метрополии. Оно, конечно, также не будет доставлено, хотя оба могли бы быть доставлены, если Афанасий все еще в Кочине. Когда епископ услышал от полковника Ньюолла, что он сделал, он сразу ему написал, умоляя воздержаться от подобных мер по крайней мере до его собственного прибытия и утверждая, что церковный собор должен без страха иметь возможность выбирать. Я полагаю, что он написал также мар Филоксену как епископу (но не митрополиту), заверяя того в своей дружбе и добром отношении.

Фенн отрицает любые виды вмешательства, влияния или запросов со своей стороны и со стороны миссии. Однако я не могу оправдать почести, воздаваемые ими Филоксену (как митрополиту) после того, как, после признания церковью рекомендательных писем, они должны были перенаправить их другому человеку. Они сохранили приватную любовь и почтение к преподобному Филоксену, а тот, хотя и христианин, не мог от них отказаться.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 235–235v.

18. Письмо епископа Р. Хебера к канонику Чарльзу Шипли³⁸. Танджор, 28 марта 1826 г.

Дорогой Чарльз,

Увы, я вновь разлучен на несколько месяцев с моей дорогой женой и детьми из-за обязанности поехать с инспекционным объездом в Южную Индию в сезон, когда опасно и тяжело путешествовать для любого, кроме самого крепкого здоровьем человека. Жара, разумеется, уже весьма ощутима, а через несколько недель должна усилиться. Я в добром здравии, тем не менее и не без интереса вплотную занят посещением миссий под патронажем Общества по распространению знаний о христианстве, успех которого со времен блестящего Шварца был гораздо больше, нежели то в целом известно или предполагается в Европе.

В день Святой Пасхи я проводил обряд конфирмации³⁹ 70 человек и приобрел Святых Христовых Таин около 200 местных жителей, а вечером, когда служба проводилась на тамильском языке, я произнес благословение на этом языке более чем для 1300 человек. Разница в количестве людей легко объяснится, в первом случае присутствовало мало людей, но это были те, кто понимал английский язык, остальные же посетили службу одного из миссионеров рано утром.

³⁸ Чарльз Шипли (Charles Shipley; 1783–1834), каноник церкви Англии, родной брат супруги епископа Эмилии Ширли Хебер.

³⁹ Конфирмация – в ряде протестантских церквей это обряд сознательного исповедания веры; у протестантов состоит из исповедания веры confirмантом, нравоучительной речи к нему пастора и молитвы. Конфирмация обычно проводится в начале службы по большим церковным праздникам.

Такое положение тем не менее только в Танджоре. Существуют отдаленные конгрегации, насчитывающие много тысяч христиан-протестантов, во всех соседних городах и деревнях; а плетенных из прутьев захоронений бедняков по обочинам дороги, каждое из которых отмечено небольшим тростниковым крестом, вполне достаточно для того, чтобы дать понять даже самому невнимательному путешественнику, что страна в значительной степени христианская. Миссиям, однако, требуется много помощи, и они нуждаются в восстановлении. Внушительные средства, имевшиеся у них, к сожалению, еще со времен Шварца были растрочены его преемниками — людьми праведными (но почти ничего не смыслившими в делах мирских), и, хотя я обнаруживаю заметное благочестие и доброжелательность, мне бы хотелось большей энергичности в части ведения дел в настоящее время.

Я от всего сердца хотел бы остаться здесь на месяц или недель на шесть, каждый час этого времени может быть потрачен с пользой и делом. Тем не менее мое время крайне ограничено, и я должен поторопиться успеть в Траванкор, прежде чем юго-западные муссоны (сезон дождей) станут препятствием для путешествия по Малабарскому побережью. Следовательно, я надеюсь после посещения Каликута и Кэннанора⁴⁰ вернуться в Мадрас, а оттуда в Калькутту.

*Да хранят тебя Небеса, дорогой Чарльз.
С верой навеки любящий тебя
Реджинальд Калькуттский.*

Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825. L., 1828. Pp. 458–459.

19. Письмо епископа Р. Хебера к эсквайру Р. Вилмоту Хортону⁴¹. Трихинополи, 1 апреля 1826 г.

Дорогой Вилмот!

Я провел последние четыре дня в обществе индусского принца, раджи Танджора, бегло цитирующего Фуркруа, Лавуазье, Линнея и Бюффона⁴²; этот человек составил более точное суждение о поэтических достоинствах Шекспира, чем их столь удачно выразил лорд Байрон, а также на самом деле сочинил английские стихи, превосходящие, безусловно, эпитафию Руссо

⁴⁰ Каннур (Кэннанор, Каннанур) — город на севере индийского штата Керала, являлся одним из главных портов Малабарского побережья. С 1709 по 1887 г. Каннанур (так европейцы переименовали название данного города) стал основной военной базой англичан на западном берегу Индии; Каликут — город в Индии, который первым в 1498 г. посетил путешественник Васко да Гама.

⁴¹ Сэр Роберт Джон Вилмот Хортон (1784–1841) — британский политик, социальный теоретик и колониальный администратор, заместитель госсекретаря министерства по делам войны и колоний (1821–1827), губернатор Цейлона (1831–1837).

⁴² Антуан де Фуркруа (Fourcroy; 1755–1809) — французский химик. Вместе с Лавуазье участвовал в разработке новой химической номенклатуры. Антуан Лавуазье (1743–1794) — французский естествоиспытатель, основатель современной химии; Линней (Linnaeus) Карл (1707–1778) — шведский ботаник, создатель классификации растительного и животного мира; Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707–1788) — французский биолог, математик, высказал идею о единстве растительного и животного миров.

Шенстону⁴³; в то же время он очень уважаем среди английских офицеров в его округе как действительно отменный ценитель лошадей и хладнокровный, храбрый и невероятно меткий охотник на тигра. Он необычайный человек, и это сущая правда.

Получив в ранней юности такое образование, какое старый Шварц, прославленный миссионер, смог ему дать, этот человек с тех пор продолжал среди множества невзгод поддерживать полученный багаж знаний и расширять свои познания европейской литературы, притом что он никогда не пренебрегал активными физическими упражнениями и выраженной военной выправкой, что достались ему в наследство от древних завоевателей Махаратты (Maharatta), и только благодаря этому при нынешнем положении вещей в его силах отвечать потребностям своего народа и увеличить среди него свою популярность.

Живи он во времена Хайдара⁴⁴, он стал бы великолепным союзником или врагом, ибо он бережлив, удал, популярен и умеет располагать к себе, по свидетельству всех в округе. В настоящий момент, обладая меньшей властью, чем английский аристократ, он высоко держит голову и кажется довольным; а печатный портрет Бонапарта, что висит у него в библиотеке, столь оттенен портретом лорда Гастингса⁴⁵ при полном параде, что это никому не может причинить вреда.

Завершая штрихи к портрету махараджи Серфоджи, мне следовало бы сказать вам, что он крепкого телосложения и очень привлекательной наружности средних лет мужчина, глаза и нос словно у благородного ястреба, у него густые серые усы, в целом махараджа великолепно одет, но без изнеженности и украшательства, а взглядом и речью более всего напоминает благородного представителя французского генерала-офицера, чем кого-то еще из всех, кто приходят мне на ум. Его сын раджа Шиваджи (получивший имя в честь своего великого предка)⁴⁶ — бледный, болезненного вида семнадцатилетний юноша, который также говорит на английском, но говорит не идеально, на чей счет отец сокрушался с весьма явным огорчением, что, как он обнаружил, для его сына нет возможности получить какое-либо достойное образование в Танджоре.

Меня это очень тронуло, и я предложил взять мальчика с собой в настоящую мою поездку, а после этого в Калькутту, где тот мог бы поселиться в моем доме и быть представлен хорошему английскому обществу. А я в то же самое время буду заведовать его обучением и добьюсь для него лучших учителей, которых можно отыскать в Индии. Оба, и отец, и сын, казались довольными предложением, однако выражалось это по-разному: один ухватился за идею с огромным рвением, другой же словно бы опасался высказать все свои желания. Тем не менее, посоветовавшись друг с другом, они оба выразили сомнение в отношении согласия на это матери. Соответственно, на

⁴³ Уильям Шенстон (1714–1763) — английский поэт.

⁴⁴ Имеется в виду халиф Али ибн Абу Талиб, известный своей праведностью и имевший прозвище Хайдар («лев»). В его честь был назван город Хайдарабад, основанный на рубеже XVI–XVII вв. пятым султаном династии Кутб Шахов Мухаммедом Кули.

⁴⁵ Лорд Уильям Гастингс (1440–1483) — английский военачальник, один из наиболее влиятельных баронов в эпоху правления короля Эдуарда IV.

⁴⁶ Очевидно, имеется в виду Шиваджи (1630–1680) — национальный герой Индии, после столетий тюрко-мусульманского ига поднял восстание против мусульманского владычества и создал на территории штата Махарашта государство маратхов.

следующий день через резидента я получил очень вежливое послание, что рани уже потеряла двоих сыновей, а этот выживший мальчик болезненный, и она уверена, что живым ему не вернуться, а разлука с ним ее убьет, но что вся семья выражает благодарность за предложение и т.д.

Таким вот образом бедный Шиваджи должен жевать бетель⁴⁷ и сидеть на зенане (женской половине дворца)⁴⁸, предаваясь типичным для индусских принцев развлечениям, до тех пор, пока не войдет в число тех героических лиц, которые, опоясанные длинными мечами, с изображениями ястребов на своих запястьях и одеждами, чем-то напоминающими карточных королей масти пик (чей портретист, как я догадываюсь, сохранился в этой семье), украшают главную залу дворца.

Его отец Серфоджи захотел обессмертить себя иначе. Он поставил колоссальную собственную статую из мрамора работы Флаксмана⁴⁹ в одной из зал для аудиенций в своем дворце, вдобавок его фигура представлена и на выполненном все тем же Флаксманом памятнике, который махараджа воздвиг в миссионерской церкви в память о своем наставнике Шварце, где он запечатлен так, словно бы сжимает руку умирающего святого, получая его благословение*.

О Шварце и его пятидесятилетнем служении среди язычников, необычайном влиянии и популярности, которую он снискал как среди мусульман, так и среди индусов, а также среди противоборствующих

---

⁴⁷ Бетель – вечнозеленое многолетнее растение рода перцев. В Индии листья бетеля используют как тонизирующее средство, листья имеют лекарственные свойства. Их жуют вместе с гашеной известью и кусочками семян пальмы катеху.

⁴⁸ Зенан (zenan, zenana) – буквально означает «женщина», «относящаяся к женщине» – это часть дома, принадлежащего индусской или мусульманской семье на индийском субконтиненте, которая предназначена для женщин, внутреннее помещение, где живут женщины семьи. Мужская половина называется мардан.

⁴⁹ Джон Флаксман (1755–1826) – английский художник неоклассицизма, гравер и скульптор. В свое время пользовался большой популярностью, но впоследствии был забыт. Работал преимущественно в стиле неогрек или этрусском стиле.

* «Преподобный господин Робинсон, пожелавший также осмотреть Христианскую конгрегацию в Канандагуде, в 15 милях от Танджора, и также Его Высочества махараджи Чаттрам, отправился туда 15 апреля. Он был очень рад видеть собравшуюся большую паству и после утренних молитв обратился с сердечным посланием к христианам, вдохновляя их быть благодарными Богу за Его великие милости, ниспосланные им. Часовня в этом месте представляет собой скромное здание с крытой тростником крышей. Она также используется под школу. 50 бедных христианских детей поддерживаются здесь щедростью Его Высочества, но обучаются за счет миссии. Дома катехизатора и учителя построены рядом с часовней и также крыты тростником. Из Канандагуди он отправился в Чаттрам Его Высочества, который представляет собой индусское благотворительное учреждение, созданное действующим махараджей Танджора, но не только для содержания брахманов, но и для всех категорий бедных. Это благотворительное заведение спасло много сотен людей от гибели, когда несколько лет назад суровый голод и холера свирепствовали в районах Рамуаде, Шевагунга и Мадур. Обстоятельство, делающее это учреждение достойным упоминания, – то, что здесь есть связанная с ним благотворительная школа, где дети обучаются на тамильском языке, некоторых языках Южной Индии, на маратхи, санскрите, персидском и английском; сюда же можно добавить и христианскую благотворительную школу в Канандагуди, о которой упоминалось выше. Здесь имеются также и два госпиталя, связанные с этим учреждением, – один для мужчин, другой для женщин, страдающих недугами. Помимо этого, в Чаттраме построено великолепное бунгало для размещения священнослужителей и других европейцев, направляющихся на юг или возвращающихся оттуда» (Отрывок из письма Холлофа. – Примеч. изд. 1828 г.)

правительств, мне не нужно вам говорить, за исключением разве того факта, что мое мнение о нем изменилось в лучшую сторону с тех пор, как я прибыл на юг Индии. Я раньше подозревал, что наряду с выдающимися чертами в его характере была значительная смесь противоречивых вещей; что он был чересчур политическим проповедником и то почитание, которым язычники окружили его и до сих пор окружают, действительно считая его существом высшего порядка, возлагая венки и зажигая огни перед его статуей, было приобретено путем некоторого неоправданного компромисса с их предрассудками.

Я признаю, что совершенно ошибся. Этот человек действительно был одним из самых активных и неустрашимых, как и одним из самых успешных миссионеров, появившихся со времен апостолов. Сказать, что он был бескорыстен в отношении денег, значит ничего не сказать; он совершенно не заботился о власти, слава, по-видимому, никогда не влияла на него, до такой степени даже, что вызвала у него еще и внешнее проявление смирения. Он был совершенно прост характером, открыт и бодр, а в своих политических переговорах (занятиях, которых он никогда не искал, но случавшихся на его жизненном пути) никогда не занимал беспристрастную позицию, однако действовал как признанный, хотя, конечно, успешный и здравомыслящий посредник бывшего на его попечении осиротевшего принца, от попытки обращения которого в христианскую веру миссионер воздерживался, очевидно, по соображениям чести. Иных же обращенных в веру этим миссионером людей было между шестью и семью тысячами, помимо тех, кого ранее уже обратили его предшественники и соратники в этом деле.

Количество верующих постепенно увеличивается, и сейчас на юге Индии примерно 200 протестантских конгрегаций, число которых иногда расплывчато указывалось 40 000. Я сомневаюсь, достигает ли их число отметки в 15 000, но уже и эта цифра, учитывая все обстоятельства, является огромной. Римских католиков значительно больше, они принадлежат к низшей касте индусов, но даже эти христиане сохраняют многие кастовые предрассудки и в отношении знания и морали считаются крайне отсталыми. Эта отсталость, наносящая вред общему характеру религии, якобы явилась причиной крайне неблагоприятного суждения обо всех местных христианах со стороны правительства Мадраса.

Если их реально не преследовали, то они, словом, «были лишены» права занимать любые места и должности, вне зависимости, гражданские или военные, при правительстве [Ост-Индийской] компании; в округах, где пока местные князья удерживали власть, христиан нанимали без колебания. И это не самое худшее; многие крестьяне были избиты по распоряжению английских судей за отказ по религиозным соображениям помогать тащить повозки с идолами в праздничные дни, и только действующий глава администрации Танджора в этих случаях отказал брахманам в помощи со стороны светской власти.

По этой причине лишившиеся добровольных слуг брахманы сейчас часто сами выполняют трудную работу, двигая тяжеловесные колеса своих повозок с Кали и Шивой по глубоким колеям этой плодородной земли. Тем не менее здесь все еще процветает брахманизм, храмы крупнее и красивее, чем любые из тех, что я видел в Северной Индии; также они здесь определенно древнее, однако относительно их очень глубокой древности у меня имеются сомнения.

Вы, возможно, наверняка слышали от вашего брата, что я имел удовольствие познакомиться с ним на Цейлоне. Данная область могла бы стать одной из самых счастливых, ведь это одно из прекраснейших мест во вселенной, если бы упразднить некоторые из старых голландских законов, главные из которых, по моему мнению, это монополия цейлонского лавра и принудительный труд крестьян на больших дорогах, а также других видах трудовой повинности. Кандийские области, где отсутствуют эти явления, показались мне самыми процветающими частями страны.

По дате и содержанию моего письма Вы поймете, что я вновь нахожусь в инспекционной поездке, и грустно говорить об этом, но снова разлучен с семьей. Обстоятельства столь надолго задержали меня в Калькутте, что нежаркий сезон почти закончился и взять семью с собой в это время года в поездку стало бы искушением небес. Действительно, стоит сильная жара, часто от 98 до 100 F в тени, но я не мог отложить поездку до следующего года, хотя некоторые из моих попутчиков заболели и я был вынужден оставить моего врача в Танджоре.

Вчера у меня были опасения, что мой капеллан тоже там останется, но сейчас он в порядке. Я должен дальше продолжать путь, чтобы успеть добраться до Траванкора, где мне предстоит любопытное обсуждение с сирийскими христианами, пока сезон муссонных дождей не сделал дороги страны непроходимыми. Таковы мои планы, а тем временем суховеи становятся тяжело переносимыми, и будет еще хуже, чем сейчас, прежде чем я доберусь до Квилона⁵⁰. Благодаря гостеприимству европейцев в Индии на всех остановках пути я обеспечен комнатой, так что укрываться в палатках, я полагаю, нам понадобится не более чем 200 миль пути.

*Всегда обязанный тебе и любящий друг
Реджинальд Калькуттский.*

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 459–464.*

20. Письмо епископа Р. Хебера к Дж. Фенну. Трихинополи, 2 апреля 1826 г.

Уважаемый сэр!

Я был настолько занят, что не мог ответить ни на одно из ваших последних интересных писем, и теперь, когда Афанасий уже наверняка отправился обратно в Сирию, этот вопрос показался мне срочным. Созвать собор Сирийской церкви теперь было бы полезно для целей успокоения людских настроений и составления Филоксеном письма к патриарху Антиохийскому от имени и с одобрения церкви с изложением обстоятельств его собственного рукоположения (т.е. получения полномочий, в рамках которых он действует), а также того, как Афанасий вмешался в его деятельность и почему так важно, чтобы патриарх признал правомочность местного рукоположения [малаяльских] епископов народа малаяли в будущем.

---

⁵⁰ Квилон или Коллам — город в инд. штате Керал.

С учетом того, что я успел узнать о произошедшем, я остаюсь уверенным приверженцем созыва собора и желал бы, чтобы вы предложили это Филоксену. Если не будет сделано ничего подобного, мир в церкви будет непрерывно нарушаться вновь прибывающими монахами или, по меньшей мере, новыми письмами с угрозами из Сирии. Сомнительные моменты в вопросе рукоположения Филоксена, которые наверняка коснутся и всех тех, кого рукоположил он сам, будут постоянно муссироваться Конатту Мальпаном и ему подобными; в этой несчастной малой церкви возникнет новый разлад, чем не преминут воспользоваться паписты.

С учетом вышесказанного, как бы мало причин ни дал нам Афанасий желать его приезда или сожалеть о его изгнании, я сердечно огорчен, что его изгнали: его друзья теперь сочтут его святым исповедником, а малаяли и все враги англиканской церкви и Общества церковных миссионеров, будь то в Индии или Европе, уверуют в то, что его удалили из страны из-за влияния миссионеров.

Тем не менее мы должны постараться теперь извлечь из неблагоприятной ситуации максимум пользы. Поэтому я буду обязан вам, если вы передадите мое письмо Филоксену, заметив, что во время написания мне не было известно об изгнании Афанасия, но что собрание клира все равно может, с моей точки зрения, быть организовано к всеобщей пользе для составления общецерковного обращения к патриарху. Что же касается реформ, к которым, по вашему любезному мнению, мой визит мог бы помочь склонить народ малаяли, об этом будет время поговорить при встрече. Если бы с Афанасием можно было иметь дело (букв. «если бы Афанасий оказался управляем». — *Примеч. перев.*), совместная работа с ним могла бы только пойти на пользу этим мерам. В настоящее время нам стоит более, чем когда-либо, осторожно выбирать способы вмешательства в происходящее, опасаясь, что наши противники заявят, будто мы убрали Афанасия с пути, дабы привнести свою собственную систему.

*С наилучшими пожеланиями м-рам Бейли и Бейкеру.
Верьте мне, уважаемый сэр! Всегда ваш самый верный слуга
Реджинальд, епископ Калькутты.*

Комментарий Т. Робинсона: Последнее письмо епископа Хебера м-ру Фенну было написано утром перед его скорбной кончиной и отражает окончательное мнение об описываемом случае нашего незабвенного возлюбленного прелата.

King's College Archive Centre, Cambridge/O272/PP/GW/4. F. 246–246v.

21. Фрагмент из письма епископа Р. Хебера к супруге Эмили Шипли Хебер. Б. м., б. д. [кон. марта – нач. апреля 1826]

Примечание Э.Ш. Хебер. В последнем письме, полученном издателем от епископа, содержится следующий отрывок, и, завершая им том, она ощущает, что выполняет свой долг в равной степени перед ним и перед теми, чьи требования, если б его пощадили, он бы сам более официально и действительно заявил.

Поверят ли, что, пока раджа удерживал свою власть, христиане имели право на различные государственные должности, хотя сейчас есть приказ правительства против того, чтобы они были допущены к работе!*

Вне сомнения, в вопросах религии мы являемся самыми равнодушными и трусливыми людьми на свете. Я собираюсь заявить официальный протест всем трем правительствам Индии и Контрольному совету (Board of Control).

*Печ. no: [Heber, R.] Narrative of a journey through the upper provinces of India...
Pp. 464–465.*

22. Письмо преп. Томаса Робинсона мар Игнатию Георгию, патриарху Антиохийскому. Копия. Б. д. [1826].

Пресвитер Томас Робинсон, раббан епископа англиканских церквей в Индии благословенного мар Реджинальда, шлет приветствие и поклон.

Я недостоин писать Вашему Святейшеству, поскольку ваше положение в Церкви Господа нашего Иисуса Христа высочайшее, а мое низжайшее. Однако, поскольку Бог счел меня достойным служить Его почтенному и благословенному слуге — мар Реджинальду, епископу нашей церкви в Индии, я молю вас принять мои слова как слова того, кто был моим патроном и братом. Написать вам — мой долг, поскольку в его сердце было много слов для вас и он как раз обдумывал письмо вам, полное мира, в тот момент, когда Повелитель Мира и Великий Пастырь призвал его к вечной радости.

Поэтому с вашего разрешения я расскажу Вашей Мудрости о том, что он успел сделать для вашей церкви в Индии и что он планировал на будущее. Вам небезызвестно, преподобнейший Отче, от преподобного легата и митрополита ваших церквей в Малабаре мар Афанасия, что он встретился с нашим благословенным отцом мар Реджинальдом в Бомбее вскоре после Пятидесятницы в прошлом, 1825 году и, как это бывает у двух епископов, сослужил ему у алтаря англиканской церкви ап. Фомы в этом городе.

Мар Реджинальд выказал мар Афанасию большое расположение в ответ на выказанную тем любовь и вручил ему письма нескольким авторитетным англичанам в этой стране, рекомендуя им его как митрополита и верховного епископа сирийских церквей в Индии.

После того случая он больше не видел лица его, но всегда помнил братское общение между ними и в своем отчете о епархиальных делах, направленном Его Преподобнейшему Высокопреосвященству мар Чарльзу, архиепископу Кентерберийскому⁵¹ и митрополиту всех англиканских церквей, он упомянул о мар Афанасии, его миссии от лица Вашего Святейшества и о том, как через него будет положен конец неурядицам, до сих пор преследовавшим церковь апостола Фомы в Малабаре. Наш благословенный отец дал мар Афанасию

* «Отрывок из правительственных постановлений Мадраса: П. 6. Районные судьи (zillah judge; Zillah — район — единица административного деления в колониальной Индии) рекомендуют областным судам лиц, которых они сочтут подходящими на должность областного судьи (мунсифа — судьи, разбирающего мелкие гражданские дела), но ни одно лицо не вправе исполнять обязанности областного судьи без предварительного на то разрешения областного суда, если только оно не индийской или магометанской веры». — Примеч. изд. 1828 г.

⁵¹ Чарльз Мэннерс-Саттон (Charles Manners-Sutton, 1805–1828). Перемещен с кафедры епископа Норвичского.

письмо, в котором просил разрешить ему жить среди его людей и принять его как сына ради его же пользы. Это письмо я ныне с полной готовностью направляю заботам Вашего Святейшества.

Сам же я теперь изложу, по какой причине и каким образом оно столь долго не попадало в руки мар Афанасия, хотя наш благословенный отец искренне желал, чтобы оно было доставлено без промедления: оно бы, по всей вероятности, предотвратило отъезд мар Афанасия из страны и уврачевало нестроения и схизмы, столь прискорбно ныне разделяющие нашу церковь в Индии.

Когда священник Джон Доран по пути в княжество Малабар уехал из Калькутты в Мадрас, он впервые услышал о конфликте между индийскими епископами и антиохийским митрополитом. Некие лица рекомендовали ему, как человеку постороннему, не принимать ни одну из сторон конфликта, даже если она показалась бы ему правой. По этой причине, а также в связи с состоянием здоровья он остался в Мадрасе на два месяца, до конца февраля этого года, когда мар Реджинальд приехал в город по приглашению южной части епархии.

Он был весьма огорчен, узнав, что Джон отложил поездку, хотя ему были вручены письма к мар Афанасию как главе этих церквей, к которым он приложил еще одно письмо, написанное мар Афанасию Абрагимом Абуной — легатом Иерусалимского патриарха Армянской церкви. Как только он получил эти письма вновь из рук Джона 4 марта, он отправил их в Траванкор для вручения митрополиту. Он также направил ответы на письма, полученные из этого княжества, в которых призывал всех своих детей во Христе почтить древние каноны и обычаи Сирийской церкви и признать мар Афанасия законным главой и митрополитом правоверных индийцев в Малабаре, каковым он и был признан в соответствии с письмами Вашего Святейшества на общем церковном соборе, созванном епископом Филоксеном в Коттаяме 29 декабря 1825 года. Он также открыто и серьезно желал, чтобы чтящие его не чинили препон авторитету языческого правительства Траванкора, поскольку, имея привилегии независимого управления делами церкви в Малабаре, свободного выбора духовных наставников в соответствии с обычаями и традициями, восходящими к дню благословенного апостола Фомы (который правительство позволяло и с итогами которого соглашалось), они воздавали кесарево кесарю, а Божие — Богу.

Когда мар Реджинальду было доложено, что мар Афанасий принял к церкви насильственные меры, уволив тех, что прежде считались епископами, и презрев авторитет правителей княжества, наш благословенный отец с большим тщанием отнесся к этому делу, чтобы иметь возможность верно изложить его представителям правителей-англичан в этом княжестве.

Между тем письмо, написанное ему мар Афанасием за месяц до этого и по ошибке отправленное в Калькутту, прибыло в Мадрас и было вручено ему. На это письмо он отправил ответ на сирийском языке 22 марта (я также прилагаю его для внимания Вашего Святейшества). В этом письме он уверяет мар Афанасия в своей неизменной дружбе, призывает его смягчиться и подождать его приезда и вызывается быть, с разрешения и доброй воли мар Афанасия, посредником между ним и жителями Траванкора, поддерживающими индийских епископов.

Мар Реджинальд также заверяет мар Афанасия, что не оставит без наказания тех, кто каким-либо образом повел себя с ним несправедливо или неблагосклонно. Мар Реджинальд так и поступил: он получил обещание от Его

Превосходительства английского губернатора Мадраса, что тот подтвердит любое назначение, какое мар Реджинальд сочтет благом для мира церкви в Малабаре. Как увидит Ваше Святейшество из писем, направленных в обе стороны, мар Реджинальд намеревался утвердить мар Афанасия в качестве митрополита от лица сильных мира сего, а индийских епископов, буде те окажутся подлинно епископами, сделать викарными епископами при митрополите с соответствующими почестями и содержанием.

С этими намерениями и целями мар Реджинальд также написал письмо, исполненное дружбы и братской любви, мар Филоксену, обращаясь к нему как епископ к епископу и умоляя принять Афанасия, посланного Вашим Святейшеством, как своего правителя. Я направляю Вашему Святейшеству копию этого письма. Молю Ваше Святейшество о мудром и пристальном внимании к этому делу и истинном его положении, каковому я сам являюсь свидетелем, поскольку я своей рукой написал два письма мар Афанасию и пребывал подле нашего благословенного отца в качестве рабана и секретаря все это время.

Ваша Мудрость может судить о том, с каким удивлением и какой горечью мар Реджинальд узнал о событиях, происходивших в это же время в Траванкоре. Эти события мне нет нужды пересказывать, поскольку Ваше Святейшество наверняка уже слышало их от самого мар Афанасия; но самую большую скорбь в сердцах всех, кто чтит память нашего почившего отца во Христе и разделял его планы, вселяет тот факт, что два его письма к мар Афанасию так и не были доставлены. Первое письмо, которое, как я сообщал, было отправлено 4 марта, должно быть, прибыло в Траванкор в тот же день, когда мар Афанасий был арестован диваном и изгнан из страны, или днем позже. Однако письмо не было отправлено вслед за ним в Кочин, где он оставался в течение долгого времени. При этом мар Реджинальду не сообщали, что его письмо не доставлено, еще много дней после его доставки в Траванкор. Эти новости были сообщены епископу лишь после Пасхи в Танджоре, когда ничего сделать было уже нельзя.

Второе письмо, написанное, как я отметил, через двадцать дней после первого, было доставлено с еще меньшим успехом, спустя много дней после доставки в Траванкор. Но, как только мар Реджинальд услышал на Страстной неделе, что митрополит арестован приказом языческого правительства, он сразу написал письмо британскому представителю в Траванкоре полковнику Ньюоллу, в то время проживавшему на некотором расстоянии, в северных горах.

В этом письме он умолял полковника прекратить все преследования мар Афанасия, дожидаться его приезда и до тех пор не проводить слушания никаких обвинений против лица, посланного с миссией от Вашего Святейшества и признанного в этом качестве (как, без сомнения, вскоре должно было быть) всеми правоверными в Малабаре. Далее мар Реджинальд напоминал полковнику, как позорно будет для английской нации, если мы примем в какой бы то ни было степени злополучные обычаи, которые мы все так осуждаем в последователях поврежденной Римской церкви и в их отношении к легатам из Сирии, приходящим к древним церквам, которых Божественное Провидение ныне предало нашему мирскому управлению и защите.

Наш благословенный отец мар Реджинальд прожил после написания этого потрясающего письма совсем недолго. Он хотел написать вслед ему еще одно письмо, Вашему Святейшеству, а также рассчитывал другими

своими действиями вернуть мир в вашу церковь в Малабаре, когда его Отец Небесный судил ему быть призванным к Нему.

Письмо полковнику Ньюоллу, однако, было получено. Полковник немедленно направил в диван Траванкора приказы остановить любое преследование мар Афанасия и разрешить ему въезд обратно в страну. Это письмо прибыло уже после смерти мар Реджинальда и было распечатано и прочитано мною. Но, увы, из Траванкора уже пришли новости о том, что мар Афанасий отплыл из Кочина и, далее, что приказы резидента опоздали.

Не пристало мне, преподобнейший отче, высказывать Вашему Святейшеству свое суждение о делах, столь тесно связанных с миром в вашей церкви. Позвольте мне, однако, передать вам не мои мысли, но мысли моего почтенного отца во Христе, чье первое желание (после процветания его детей во Христе и расширения проповеди Слова Божия через них) было сохранить целостность вверенной Вашему Святейшеству церкви в Малабаре.

Итак, мар Реджинальду после очень тщательного и строгого исследования истинного положения дел (через жителей не только Котима, но и других мест) стало ясно: когда из Сирии в Малабар пришли прежние прелаты (да пребудет Божий мир с ними!) — мар Григорий из Иерусалима, мар Василий Маферан и мар Иваний, они встретили со стороны амбициозного индийского епископа мар Фомы и его племянника то же сопротивление, какое вынужден был пережить мар Афанасий из-за невежества и предрассудков его противников.

Тем не менее, будучи учениками Того, Кто был в сердце своем смиренен и кроток и Кто — Сам и через Своих святых апостолов — учил нас не воздавать злом за зло и преодолевать зло добром, они, после более чем восемнадцати лет споров, подчинили младшего индийского епископа своей воле (мар Василий к тому времени умер). Мар Григорий возвел его в митрополиты под именем Дионисия. Все это небезызвестно Вашему Святейшеству, но верно также и то, что там же был молодой индийский священник, который во время всех этих бед и разногласий остался верным справедливому делу сирийских прелатов из Антиохии. Поэтому он был в период волнений рукоположен мар Василием в епископы под именем Кирилла.

Говорят также, хотя я не знаю этого наверняка, что когда мар Григорий возвел Дионисия в митрополиты, а мар Дионисий после этого отказался давать ему оговоренное содержание, то мар Григорий наделил тем же титулом митрополита упомянутого Кирилла. Был ли он митрополитом, или это только говорят о нем, в Малабаре есть всеобщее убеждение, что он был истинным епископом, рукоположенным мар Василием. Также считается доказанным, что Кирилл перед своей смертью в 1805 году рукоположил другого священника под именем Филоксена, который, в свою очередь, в 1812 году рукоположил таким же образом того, кто и поныне здравствует, — мар Филоксена.

Ныне, хотя титул митрополита и не по праву узурпирован этим прелатом и другими, кого он рукоположил и кто по невежеству был одобрен языческим правительством страны, Ваше Святейшество может не сомневаться, что они суть подлинные епископы, хотя бы на их рукоположении и не присутствовало нужное число прелатов согласно канону. Но в варварской стране, где епископов так мало, где общение с Антиохией столь прерывисто и затруднено, Ваше Святейшество может счесть, как счел мар Реджинальд, что, если епископ перед смертью должен оставить по себе преемника, он может это сделать при условии полного соблюдения таинства рукоположения, чтобы не вовсе лишить церковь епископов.

В частности, после смерти истинного митрополита более двенадцати лет назад не нашлось никаких положений о продолжении законного духовного руководства жителями Малабара, если бы не были признаны истинными другие рукоположения мар Василия, идущие от Кирилла до нынешних епископов Малабара.

Поэтому наш благословенный отец чаял припасть к ногам Вашего Святейшества и своего преподобного брата мар Афанасия с тем, чтобы вы отбросили все предрассудки, заключенные в донесениях амбициозных людей в Индии, которые часто осуждают в своих братьях то, чего желали бы иметь для себя только, и чтобы вы опирались в этих делах лишь на то, что способствует миру, безопасности и благоденствию церкви и ни на час не сдавались этим заблуждающимся или злым братьям, которые подговаривают языческий магистрат назначить руководителя церкви против мнения патриархата Антиохии, и не поддавались ни злословию, ни предрассудкам, если человек, признанный народом, должным образом проверенный и испытанный правоверными, священниками и докторами Малабара, по праву является епископом. Мир и порядок в церкви будет вернее всего восстановлен мягкими мерами и приглашением к справедливому и беспристрастному разбору всех сомнительных вопросов. Наши братья и отцы англиканской церкви все смотрят с величайшим интересом и приязнью на состояние Церкви апостола Фомы в Малабаре и от души желают видеть ее в мире и процветании, а ее связь с Сирией ненарушенной. Все они с прискорбием узнают о насильственном удалении из этой страны вашего легата. Я сейчас занимаюсь тем, чтобы, как к тому меня обязывает братский долг, дать отчет о происходящем (и обо всех желаниях нашего благословенного отца в их отношении) нашему высокочтимому отцу и господину мар Чарльзу, прimate Англии.

Томас Робинсон, священник и рамбан мара Реджинальда Благословенного.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 249–253v.

23. Выдержка из письма от Ч. Сванстона к Т. Робинсону. 15 сентября 1826 г.

В настоящее время церковь слишком бедна, чтобы поддержать иностранного прелата. Ее бедность делает невозможным для ее членов несение затрат, связываемых с ситуацией. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы их епископ имел средства к существованию, не беря их у своей паствы. Чтобы стать вновь теми, кем они были когда-то, — сильным народом, протестантский епископ Индии должен объявить себя их главой и принять на себя руководство церковью. Тогда и только тогда эта примитивная церковь сможет, вероятно, расцвести. Этого только и ждут сирийские христиане, оставшиеся под властью римского понтифика, — объединения со своими бедными братьями. Чистое христианство с этого момента быстро распространится по всему Малабару.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 257.

24. Отчет о миссии в Траванкоре, направленный в письме капеллана Дж. Ламбика к секретарю Церковно-миссионерского общества эсквайру Д. Коутсу. Котта, 8 октября 1832 г.

Конфиденциально

Уважаемый сэр!

- 1 4 июля я получил два ваших письма: одно адресовано одновременно м-ру Касамайору и мне, а другое только мне, — посвященных сбору нами информации о миссии общества в Траванкоре. Ровно через неделю я отплыл из Коломбо, торопясь в надежде успеть вернуться до начала нашей ежегодной встречи в сентябре. Я сразу же написал м-ру Касамайору, прося его присоединиться ко мне в Коттаяме, как только ему будет удобно, полагая, что, когда бы это ни было, я за это время успею произвести предварительные изыскания.
- 2 В ответ на это я получил уведомление о том, что м-р Касамайор собирался начать объезд округа в качестве судьи, уже приступил к нему и будет занят до января следующего года.
- 3 Я решил, что не могу столько ждать и задерживать комитет. Я весьма сожалел об отсутствии м-ра Касамайора как в личном, так и в общественном отношении.
- 4 Я предпринял несколько попыток (вернее, сделал много запросов ради одной попытки) привлечь вместо него другого подходящего человека, но все они могли примкнуть ко мне через столь продолжительное время, что мне пришлось оставить эти усилия и выполнять порученное мне в одиночку.
- 5 Если бы мне удалось—таки найти достойного коллегу, это бы сняло с моих плеч часть тяжелой ответственности, которую я ощущал. Впрочем, меня ободрило мнение м-ра Бейкера о том, что у моего разочарования были свои добрые стороны. Он сказал, что знает характер катанаров и прочих из тех, у кого я должен был получить сведения: если бы было начато официальное расследование, они бы испугались и наверняка стоворились о выгодных для себя ответах, так что никаких надежных сведений от них получить было бы невозможно. С другой стороны, начатое мною негласное расследование могло бы помочь вскрыть правду.
- 6 Мой опыт общения с аборигенами в Индии при похожих обстоятельствах склонил меня к тому же мнению. Как представляется, до сих пор это мнение подтверждалось жизнью: результаты следования моему методу ему не противоречат.
- 7 В самом Коттаяме я действовал следующим образом: попросил людей, указанных в вашем письме, прийти по очереди ко мне в библиотеку колледжа и свободно поговорить с глазу на глаз об их церкви и нации, о том, что произошло с момента их знакомства с миссионерами, о нынешнем отношении клира и людей к ним и к пославшему их обществу. Я следовал тому же курсу с любыми другими людьми, которые, казалось, могли дать полезные сведения. Таким образом мне удалось разговаривать как нельзя лучше почти всех, за одним или двумя исключениями.
- 8 Во время моих визитов в церковь обстоятельства не всегда позволяли мне действовать одинаково: иногда приходилось беседовать с двумя-тремя людьми одновременно, в этом случае их мнения по любому

- предмету были менее открытыми и оригинальными и оттого менее удовлетворительными.
- 9 Митрополит Дионисий отсутствовал в Коттаяме во время моего там пребывания. Незадолго до моего приезда он отбыл в свою деревню, чтобы пройти курс лечения. Я посетил его, и мы побеседовали наедине (в присутствии одного лишь переводчика).
  - 10 Другой митрополит живет на покое на севере. Предполагается, что даже в случае смерти Дионисия он не станет принимать более активного участия в жизни церкви. Ввиду этого я не счел нужным предпринимать путешествие, чтобы повидать его.
  - 11 Я написал Джону Баптисту, катехизатору Телличерри, прося его приехать и поработать моим переводчиком, но в день получения моего письма беднягу постигли два страшных горя: смерть жены и холера детей. Поскольку он не смог приехать, я попросил заменить его Матто, мирского преподавателя колледжа. Тот помогал мне на всем протяжении моего визита к моему ваящему удовольствию.
  - 12 В рамках моего отчета о результатах визита в Траванкор я намерен вначале ответить на вопросы, предложенные в вашем письме мне и м-ру Касамайору, а затем предложить вниманию комитета соображения, возникшие у меня в отношении этой миссии.
  - 13 Непосредственной причиной побега диаконов в июле 1831 года были, без сомнения, телесные наказания, которым они подвергались со стороны м-ра Морвуда. Есть достаточные причины полагать, что они оставили колледж не только с полного согласия, но и по прямому указанию митрополита. Он сообщил мне в беседе, что осуждает поведение м-ра Морвуда в данном случае. Есть также достаточные причины полагать, что митрополита еще ранее огорчило отстранение миссионерами катанаров Марка и Ики за то, что те не проповедовали. Я говорю «миссионерами», а не «м-ром Морвудом», потому что м-р Бейкер лично объявил, что он полностью согласен с тем, что в данном случае предпринял м-р Морвуд. Эта мера, хотя и принятая с добрыми намерениями, представляется и мне, и комитету в высшей степени нецелесообразной и неблагоприятной, однако м-р Бейкер продолжает считать ее оправданной.
  - 14 Комитету может быть известно о возвращении диаконов после отсутствия в течение трех или четырех месяцев, но ему также следует узнать, что произошедшее не обошлось без вмешательства местного правительства. М-р Бейкер неоднократно и безрезультатно обращался к митрополиту, наконец один из судей апелляционного суда поехал в Коттаям, призвал диаконов вернуться, и те послушались.
  - 15 Мне не кажется, что два этих неприятных события произвели какие-либо постоянные перемены в состоянии миссии. К аналогичным мерам, можно надеяться, более прибегать не станут, и их последствия постепенно забудутся.
  - 16 В рамках ряда бесед с митрополитами, катанарами и прочими я, памятуя о параграфе 17 вашего письма м-ру Касамайору и мне, пытался выяснить, есть ли среди братьев-миссионеров, когда-либо или ныне задействованных в миссии в Траванкоре, кто-либо, пользующийся особым в сравнении с другими влиянием на Сирийскую церковь. У разных людей были свои пристрастия, но в целом никаких признаков общего заметного влияния я не обнаружил.

- 17 Из только что сказанного следует, что я не ожидаю никакого значимого положительного эффекта от временного посещения Коттаяма м-ром Фенном.
- 18 Если бы он вернулся надолго, то решительным преимуществом послужило бы то, что он уже знаком сирийцам и мог бы помочь общению с ними, зная их язык.
- 19 Я не стану утверждать, будто мне удалось сформировать точное представление о характере митрополита на основе одной лишь короткой беседы, тем более через переводчика, однако я не заметил ничего противного тому, что о нем думают все, кто упоминал его. О нем говорят, что он корыстолюбив и беспринципен в своих попытках увеличить свое состояние, что он тайный пьяница и что он продолжает сожительствовать с вдовой женщиной, которую совратил еще при живом муже. Подобный человек должен внутри себя противиться миссионерам тем более, чем сильнее они превосходят его по личным качествам. Но даже он может желать — и, я полагаю, действительно желает, — чтобы миссия продолжалась, поскольку она оказала ему поддержку в противостоянии с местным правительством и способна, как он, вероятно, надеется, в будущем, если возникнет необходимость, вновь помочь ему. С другой стороны, он должен чувствовать, что миссионеры являются для него помехой: они удерживают его от безнравственных поступков, которым он иначе мог бы предаться. Однако в целом я бы полагал, что продолжение миссии в его интересах.
- 20 Подлинные настроения катанаров на данный момент не так легко понять. Все они утверждают, будто высоко ценят преимущества, которые их церкви и народу дают присутствие и помощь миссионеров. Нельзя полагать, будто они не знают, что в отсутствие миссионеров были бы больше подвержены притеснениям и поборам митрополита. Однако есть одно важнейшее событие, которое представляется глубоко засевающим в памяти всех них: они искренне им интересуются и все поголовно думают, что миссионеры здесь послужили к их вящему разочарованию. Это высылка епископа мар Афанасия. Все они думают, что их церковь зависима от патриарха Антиохийского, они не верят в истинность рукоположения их собственных епископов, если оно не может быть возведено непосредственно к авторитету, проистекшему из Антиохии. Они сомневаются в истинности рукоположения их нынешних местных епископов, объясняя свои сомнения прерванностью традиции (они верят, что бывший митрополит ложно утверждал, будто рукоположен своим предшественником, который к приезду того уже умер, и что на самом деле он сам рукоположил себя рукою мертвеца). Сомневаясь в истинности рукоположения своих епископов, они сомневаются и в своем собственном рукоположении. Именно это настроение заставило весь клир отойти от местных епископов и присоединиться к чужестранцу. Добавьте к этому, что за такое поведение, продиктованное убеждениями, десять или двенадцать катанаров выволокли из домов и бросили в общую тюрьму в Зуилоне, продержав их там 10 месяцев и выпустив лишь по уплате большого штрафа, — все говорят это в убеждении, что миссионеры не только не попытались спасти их, но что без помощи миссионеров это вовсе не могло свершиться. Учитывая все это, я думаю, что мы вправе сомневаться, с одобрением ли смотрят катанары на деятельность общества.

- 21 Что касается десятого параграфа вашего письма, где вы говорите, что «до 1825 года миссия преуспевала, как только можно было ожидать», я придерживаюсь мнения, что создаваемое ею тогда благополучное впечатление было ложным и что влияние, приобретенное ею над умами клира и мирян, обязано собой мирской власти, которою миссионеры были наделены, имея в своем распоряжении различные посты в правительстве и наделяя ими людей по своему выбору.
- 22 Благонамеренное стремление полковника Манро придать миссионерам должный вес среди сирийцев сделало их положение ложным и силою обстоятельств завело их туда, куда бы по своей воле они никогда не зашли.
- 23 Я полагаю, что они могли бы законно преследовать свой интерес (если он у них был), договорившись с резидентом, чтобы сирийцы как народ получили причитающуюся им долю постов в правительстве, но сохранив в своих руках конкретные назначения.
- 24 Все общение миссионеров с местными жителями должно было прямо или косвенно быть устремлено к их духовному благу. Строго придерживаясь этого пути, я не могу не думать, что, будучи зависима от благословения Всевышнего, вероятность процветания миссии ныне не отличается от той, что была при ее основании.
- 25 В отношении предмета восемнадцатого параграфа я имел беседу с майором Кадоганом, действующим президентом, который в ответ на вопрос, владело ли общество имуществом, дарованным колледжу, ответил, что общество не могло иметь над ним никакого прямого контроля, но что миссионеры имели полную власть применять доходы от острова Манро⁵² на то, для чего те были предназначены, т.е. на студентов колледжа, и что за счет этого данная часть бюджета колледжа была лишена всякого контроля, в то время как в судьбу остальной части имущества колледжа миссионеры не имели права вмешиваться, если бы митрополит захотел оспорить этот вопрос.
- 26 Итак, я убежден, что сделал все, что было в моих силах, чтобы дать ответы по существу на вопросы, предложенные мне и моему коллеге. Вот еще несколько деталей из моих записей.
- 27 Некоторые из катанаров, переоценивая мою власть, искренне просили меня, чтобы я направил им епископа из Антиохии. Упомянув об этом, я не ожидаю, что комитет использует свое влияние, чтобы решить этот вопрос, но хочу выразить надежду, что, если такой человек прибудет, миссионеры воздержатся от любого вмешательства, кроме посредничества для примирения противных сторон.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 259–264v.

⁵² Остров Манро, или Мандротуруту, названный в честь резидента княжества Траванкор полковника Джона Манро, — это группа из восьми небольших островков общей площадью около 13,4 кв. км, расположенных в штате Керала в Южной Индии, в месте слияния озера Аштамуди и реки Каллада.

25. Письмо Дж. Ламбика к капеллану У.Х. Миллю. Котта, 19 ноября 1834 г. Копия

Уважаемый сэр!

Мне очень приятно направить вам копию моего отчета о миссии в Траванкоре. Я надписал на ней «Конфиденциально», поскольку она содержит некоторые части, которые, будучи опубликованными, могли бы повредить людям, коих воля обстоятельств принудила сделать то, о чем они наверняка впоследствии пожалели.

*Направляя вам искренние и уважительные пожелания, остаюсь, уважаемый сэр,
искренне ваш*

Дж. Ламбик.

King's College Archive Centre, Cambridge/O272/PP/GW/4. P. 265.

26. Записка У.Х. Милля. Б. д. [сентябрь 1840 г.]

17 февраля 1838 года м-р Такер, обращаясь Церковно-миссионерское общество в Мадрасе, находясь тогда в Коттаяме, адресовал миссионерам документ*, в котором рекомендовал (вместо дружеских методов, которые до тех пор применялись бесплодно, без всякой реформы Сиро-яковитской церкви в Малабаре) предложить всем членам церкви отказаться от причастия в ней до ее реформы и прибегнуть на это время в качестве временного решения к причастию англиканской церкви в Индии, при этом отказавшись на это время от всяких попыток прозелитизма в нашу церковь или от критики их церкви. Это предложение было принято миссионерами Б. Баркли, Бейкером и Пертом, и с тех пор в Малабаре все так и произошло: стали посылать катехизаторов, которые читали и говорили с людьми в церковных дворах или порой в самих церквях, если их допускали, и убеждали их отказаться от заблуждений, против которых была направлена агрессивная система, и уклониться от церкви, пока они совсем не ушли от нее, и обещали им убежище в общине миссионеров.

King's College Archive Centre, Cambridge/O272/PP/GW/4. Ff. 257–257v.

27. Письмо У.Х. Милля к Н. Кембридж, 25 декабря 1840 г.

Я был в Индии во время визита в эту страну мар Афанасия из Сирии в 1825–1826 гг. У меня были на руках все основные документы, относящиеся к его приему в Малабаре, переданные мне от епископа Хебера (в связи с тем что я, побывав в древних церквях тремя годами ранее, хорошо их знал). Поэтому я охотно засвидетельствую то, что было далее.

Его высокопреподобие мар Афанасий был назначен яковитским патриархом Антиохийским мар Игнатием предстоятелем так называемых «христиан апостола Фомы» в Малабаре, признающих юрисдикцию патриарха.

---

* «Этот документ я записал лично, как мне было указано преп. У.Хамфрисом (вскоре после С.М.У. в Траванкоре). 10 сентября 1840 г.» — Примеч. У.Х. Милля.

Вначале Афанасий прибыл в Бомбей, где с его бумагами ознакомился и признал их тогдашний губернатор м-р Маунтстюарт Эльфинстон (который ныне, в 1840 году, вновь встретился с ним в Лондоне) и где он получил от епископа Хебера, проезжавшего тогда по Западной Индии, знаки признания и дружеского расположения, о которых тот упоминает в своих опубликованных записках.

Епископ находился под впечатлением. Он знал состояние христиан апостола Фомы (они привыкли получать предстоятелей из Сирии — до 1600 года от несторианского католикоса Вавилона или Селевкии, а с 1650-го в части, неподвластной Риму, — от яковитского Антиохийского патриархата). Он также имел искреннее желание закрепить положение Афанасия и его патриарха во благо этих христиан в княжестве Траванкор, которые вот уже восемь лет находились под управлением английских священников, направленных Церковным миссионерским обществом в Африке и на Востоке.

Когда сирийский прелат спустя некоторое время после этой встречи, в середине 1825 года, проследовал в Малабар, местный клир и люди были уже готовы принять его, как и ожидал епископ Хебер. Единственные, кому этот визит мог показаться неуместным, поскольку снижал их личную важность, — это те уважаемые люди индийского происхождения, которые в течение необычно долгого молчания со стороны Сирии выполняли функции священноначалия, а также их непосредственные приближенные.

Однако ни мар Дионисий, действующий митрополит, ни его здравствовавший до тех пор непосредственный предшественник, ушедший на покой мар Филоксен, не были готовы восстать против общего мнения церкви и оспорить права Афанасия. Также, если бы даже дела в церкви были пущены на самотек, они не могли бы выиграть дело в рамках церковного суда и даже могли быть вынуждены подвергнуться повторному рукоположению, поскольку существовали серьезные сомнения в том, что их рукоположили предыдущие бесспорные индийские епископы.

Однако взгляд епископа Хебера не разделяли те, кто должен был им следовать более других. Влияние их в церкви в то время было очень значительно, хотя и внешне: церковный суд был неавторитетен, а окончательным и финальным решением считалась апелляция к правительству раджи Траванкора, который знал Филоксена, но не слышал об Афанасии (хотя языческое правительство никогда не имело с ним иных дел, кроме как утвердило его в качестве уже признанного христианским сообществом его официального главы).

Афанасий же, обнаружив, что его признает подавляющее большинство клира и общины, но двое самых авторитетных из них (и их сторонники) восстают против него, твердо и пространно анафематствовал их обоих. Эта крайняя мера послужила причиной эдикта языческого правительства (которое решилось на санкции под влиянием того же влиятельного лица — британского резидента [полковника Ньюола], в то время отбывшего в Нилгири поправить здоровье), предписывавшего сирийскому прелату покинуть страну.

Напрасно епископ Хебер направлял письма, умоляя обе стороны подождать месяц до его собственного прибытия в Траванкор с восточного побережья полуострова. На пути туда в апреле 1826 года он внезапно скончался. Мар Афанасий, которому письмо доброго епископа не было доставлено, вскоре после этого отплыл в Сирию из города Кочин.

Эти события достойны сожаления в отношении их влияния на церковь, столь уважительно относившуюся к Антиохии, но сейчас получившую общее убеждение, что с мар Афанасием практически не имели дела (я знаю об этом более чем от одного свидетеля, связанного с Церковным миссионерским обществом).

На сегодняшний день дела не улучшились: миссионеры, в свое время общавшиеся с мар Дионисием столь дружелюбно, в феврале 1838 года вступили с ним в открытый конфликт и призвали христиан переходить из его прихода в их. Еще более важный шаг, содеянный от имени церкви Англии, следующий: миссия Малабара сочла себя по самому факту нахождения в своем княжестве независимой от епископа Мадраса — и, конечно, от любого другого англиканского епископата.

История Афанасия после его возвращения в Сирию и в течение 14 последующих лет не имеет для нас такого же интереса. Он страдал, как и большинство христиан в этих краях, от шантажа и гнета магометан, поэтому влез в значительные долги. Сейчас, пока большая часть яковитов находится там, где она есть, наша церковь не имеет возможности, независимо от мнения ее прелатов, вмешаться в события, поссорившие епископа с его епархией. Однако как человек, представляющий в своем роде истинную, хотя и павшую ветвь Церкви Христовой (и возможно, также как пострадавший от рук наших братьев, преследующих собственные религиозные цели), он вправе рассчитывать на наше сочувствие и помощь.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 254–255v.

28. Письмо Дж. Фенна к Н. Блэкхет, 17 января 1841 г.

Мой дорогой друг!

Я поговорил с братом о мар Афанасии и сирийских епископах.

Он заверил меня, что вы ошибаетесь, думая, будто Афанасий был выслан из Траванкора из-за влияния миссионеров. Они никогда не вмешивались в отношения между Афанасием и Сирийской церковью, за исключением подачи советов сирийским епископам и священникам.

Мар Афанасий был выслан из страны не британским резидентом, который был тогда вдали от Траванкора, но местным правительством — за послушание его приказов и за использование обидных слов в адрес офицера, которого диван отправил к нему с требованием объяснить его поведение.

Также неправда и то, что Синод подтвердил права мар Афанасия, хотя после произошедшего многие из местных были склонны или сочли своим долгом подписать бумагу, подтверждающую, что он митрополит (не отрекаясь, впрочем, от существующего митрополита). При этом люди из более богатых семей позже в большинстве своем отказались от своих подписей.

У моего брата есть документы, которые он будет рад вам показать, как только у вас появится возможность встретиться с ним. Они дадут вам совершенно иной взгляд на происходящее, чем сложился у вас, и я был бы рад, если бы, будучи в Лондоне, вы нашли на это время, поскольку я обнаружил, что поведение миссионеров было существенно искажено.

Я боюсь, что не в моей власти будет возвратиться через Кембридж, как я планировал и желал. Я чрезвычайно сожалею, что мне не удастся это сделать, но у меня нет выбора, здесь я себе не хозяин. Я возвращаюсь

почтовым транспортом сегодня вечером в Харрингтон. Надеюсь, однако, вскоре иметь удовольствие повидаться с вами. Скорее всего, я покину Харрингтон уже в следующем месяце. Надеюсь получить от вас весточку в ближайшее время и остаюсь навеки

*искренне ваш
Дэвид Фенн.*

P.S. Мне очень жаль, что я был лишен удовольствия беседовать с вами по нескольким предметам. Однако я надеюсь, что мы скоро встретимся: я не смог увидаться с вами на этой неделе сугубо против своего желания.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. F. 81.

29. Письмо Дж. Такера к У.Х. Миллю. Лондон, 1 марта 1841 г. Копия

Аппер-Монтагью-стрит, д. 5
(Монтагью-сквер)

Уважаемый сэр!

Пишу вам пару строк, чтобы подтвердить: в 4 пополудни в среду в Ламбете мне очень удобно.

Хочу, не теряя времени, посвятить вас в положение дел, насколько я его знаю, в отношении ваших подозрений о том, что мар Афанасий является мошенником или скрытым приверженцем Рима. Я полагаю, как я уже говорил м-ру Вильямсу, что ваши слова имеют отношение преимущественно ко мне. Имея, как я считал и считаю до сих пор, достаточные основания подозревать (и не более того), что мар Афанасий связан с Римом, и зная, что он хотел и должен был общаться с архиепископом Кентерберийским и епископом Лондонским, я счел своим долгом перед каждым из них и перед церковью сообщить им мои подозрения и их обоснование, общаясь с ними по другим поводам.

Сделав это, я решил, что теперь дело в руках их преосвященств. Полагаю, что их удовлетворили объяснения мара Афанасия, но больше мне ничего не известно.

Вот что послужило основанием для моих подозрений. 1) Убежденность сирийцев в Траванкоре (когда я оставил их и когда они полагали, что он где-то в Азии), что он примкнул к Римской церкви, — убежденность, основанная на сведениях от яковитов из Месопотамии и Персии. 2) Утверждения в путешествиях Саутгейта⁵³ о действиях Рима в отношении яковитов и тот факт, что многие из них примкнули к этой церкви. 3) Аналогичное поведение Рима в отношении сирийцев в Малабаре и их интриганство в целом. 4) То обстоятельство, что мар Афанасий провел некоторое время в Риме и посетил его (как я убежден) в продолжение этих двух или трех лет не единожды.

⁵³ Гораций Саутгейт (rev. Horace Southgate) — миссионер и пастор Американской епископальной церкви. В 1836–1838 гг. работал в Турции и Персии, после чего вернулся в Америку; в 1839 г. принял духовный сан и в 1840 г. вновь отправился на Восток; в 1844–1849 гг. трудился на Востоке в сане епископа-миссионера; вернувшись в США, был настоятелем церкви св. Луки в Портленде, Мэн (1850–1851), церкви Адвента в Бостоне (1852–1858) и Сионской церкви в Нью-Йорке (1858–1872).

Я думаю, что это достаточно веские причины, чтобы я мог питать некоторые подозрения и ставить в известность о них руководство церкви. Я сделал это под свою ответственность и, насколько помнится, без лишнего общения с кем бы то ни было. Если мне будут представлены удовлетворительные доказательства моего заблуждения, я с готовностью признаю его.

Я считал его мошенником, еще когда он прибыл в Коттаям, и я так и сказал епископу Лондонскому и (кажется) архиепископу [Кентерберийскому]. Я рассказал им, что у м-ра Бейли сложилось следующее впечатление: яковитский патриарх Антиохийский вручил рекомендательные письма некоему мар Афанасию, а лицо, привезшее их в Коттаям, получило их вероломно, но что я убежден в ошибочности этого мнения. М-р Бейли изложил мне причины, по которым считал мар Афанасия мошенником, но я сейчас не помню их в достаточных деталях, чтобы воспроизвести здесь.

Я узнал от м-ра Джонса, что он совершенно случайно стал причиной распространившегося мнения, что мар Афанасий — самозванец. Он, не подумав, сказал в приватном разговоре с двумя женщинами, членами его прихода, что у него такое впечатление. Оказалось, что одна из женщин рассказала об этом в письме в Шеффилд, таким образом эта информация дошла до д-ра Вольфа, то есть случайно брошенное в частной обстановке между друзьями слово оказалось достоянием публики. М-р Джонс искренне возражает, что он не говорил подобного.

Я занял достаточно вашего времени, но лишь желая, чтобы вы сразу же получили представление обо всем ходе дел.

*Остаюсь, уважаемый сэръ, искренне ваш
Дж. Такер.*

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 236–236v.

30. Письмо Джозефа Вэйкфилда к канонику Джорджу Вильямсу. Йоркшир, Хай Хоуланд мар Вэйкфилд, 3 марта 1841 г.

Дорогой м-р Вильямс!

В Индии сразу несколько человек рассказывали мне только хорошее о епископе Афанасии. Сирийцы сожалели о его отъезде: я слышал это от них в Мадрасе и Коттаяме. Они единодушно приписывают его высылку одному епископу-схизматику и поддержке миссионеров из Церковного общества, которые пытались и до сих пор пытаются убедить сирийцев, будто их единоверцы в Месопотамии поклоняются дьяволу, и при этом ссылаются на мое мнение: я писал, что среди них сохранились сатанисты, во втором томе.

Сам Ридсдейл сообщил мне о своем взаимодействии с сирийцами следующее (далее цитирую Ридсдейла): «Сирийцы пришли ко мне с просьбой защитить их от индусов и папистов. Я ответил: «Дорогие мои друзья! Я работаю среди вас уже 15 лет и не добился результата. Если вы не обещаете мне провести реформу и перевести литургию на местный язык для применения в местных церквах, я предоставляю индусам и папистам делать с вами все, что им заблагорассудится». Тогда они дали мне на перевод несколько бесполезных молитв, но не текст литургии, а узнав, что один священник находится в (нрзб), я отправился туда и выгнал его из колледжа!»

Это подлинные слова Ридсдейла, который был, впрочем, весьма активным миссионером (и тем еще жуликом при этом). Кстати, я прошу вас быть осторожнее и не показывать всем мои письма, потому что они сделали мне уже все зло, какое могли, и, по сути, сорвали продажи моей последней работы под предлогом, что та отдает пьюзеизмом (но истинная причина в том, что я изложил там правду о некоторых из их комитетов, миссионеров и миссионерских сообществ — хотя о Церковно-миссионерском обществе я в целом отзывался уважительно).

Несколько сотен экземпляров моего журнала, напечатанных в типографии Бернса в доме 17 на углу лондонских Портман-сквер и Портман-стрит и распространяемых по подписке, были возвращены мне из Ирландии, причем я был вынужден оплатить доставку, — чтобы глава епархии Уилберфорс, Мелвилль, Харфорд и другие попытались найти мне других подписчиков, чтобы я не разорился.

Миссия Церковно-миссионерского общества в Абиссинии ужасна, ужасна, ужасна! Я мог бы вам о ней написать целую книгу. Хотя я презираю папизм, мне отраднo, что католические миссионеры сумели вытеснить их оттуда!!! Да, я рад этому! Но я должен признаться: когда я думаю об абиссинской миссии, мое сердце заходится от негодования и я опасаясь написать об этом более, нежели разумно для моего собственного комфорта.

*Остаюсь, дорогой сэр, искренне преданный вам
Джозеф Уэйкфилд*

P.S. Если бы вы могли найти для меня подписчиков моей последней работы, содержащей дневники о Египте, Палестине, Салониках, Греции, Абиссинии, Йемене, Бомбее, о-ве Св. Елены и Америке, распространяемой по оптовой цене 10 шиллингов и напечатанной в типографии Джеймса Бернса, вы премного меня обяжете. Мне жаль, что Афанасий не может избавиться от александрийского паписта.

Мой издатель м-р Бернс продает экземпляр по 12 шиллингов, но у меня в наличии около пятидесяти штук, которые я могу продать по подписной цене в 10 шиллингов. Не говорите Муссалли о делах епископа: Муссалли папист.

King's College Archive Centre, Cambridge/0272/PP/GW/4. Ff. 249–250v.

Источники и литература

Нелюбов Б.А. Древние восточные церкви. Малабарская церковь // Альфа и омега. 1999. № 1 (19). С. 319–356.

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015.

Bayly S. Hindu Kingship and the Origin of Community: Religion, State and Society in Kerala, 1750–1850 // *Modern Asian Studies*. 1984. Vol. 18. No. 2. pp. 177–213.

Brock S.P. The Forgotten Bishops. The Malabar Independent Syrian Church and its Place in the Story of the St Thomas Christians (Gorgias Eastern Christian Studies, 20) by John Fenwick // *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*. 2010. Vol. 20. No. 4. pp. 553–556.

Browning L.W. The Indian Christians of St Thomas. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.

Heber R. Narrative of a journey through the upper provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825, with notes upon Ceylon, an account of a journey to Madras and the southern provinces, 1826, and letters written in India [ed. by A. Heber]. London, 1828.

Howard J.G. Half-Brothers in Christ: The Church Missionary Society and the Christians of Kerala, 1813–1840. Burnaby: Simon Fraser University, 2014.

King's College Archive Centre. Cambridge/0272/PP/GW/4.

Kurien P. The Impact of International Migration on Home Churches: The Mar Thoma Syrian Christian Church in India // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2014. Vol. 53. No. 1. pp. 109–129.

Palmer W. Aids to reflection on the Established Church, with reference to the Foundation of a «Protestant bishopric» at Jerusalem, recently announced in the Prussian state gazette. Oxford, John Henry Parker: J. G. F. and J. Rivingston, London, 1841.

Pinnington J. The CMS and the Malabar Church A Question of Cross Purposes // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. 1970. Vol. 39. No. 4. pp. 389–397.

Strong R. Anglicanism and the British Empire (1700–1850). Oxford, 2007.

Swanston Ch. A Memoir of the Primitive Church of Malayála, or of the Syrian Christians of the Apostle Thomas, from its first rise to the present time // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1834. Vol. 1. No. 2. pp. 171–192.

Swanston Ch. A Memoir of the Primitive Church of Malayála, or of the Syrian Christians of the Apostle Thomas, from its first rise to the present time // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1835. Vol. 2. No. 2. pp. 234–247.

Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise. Lnd, 1961.

V. Nagam Aiya. The Travancore State Manual, 1906.

Velassery S. Faith, Ethnicity and Nationalism: St. Thomas Christians in India // *India International Centre Quarterly*. 2013–2014. Vol. 40. No. 3/4. pp. 15–34.

Irina Yu. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Address: 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, Russian Federation, 117036

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

The Malabar Affair of 1825–1826: Towards the History of British Politics in India (Confessional Aspect)

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10001

The article presents a reconstruction of the events in the Malabar diocese of the Syro-Jacobite Church related to the arrival in Travancore in 1825 of the official representative of Patriarch Ignatius George V Mar Athanasius Abed al Massiha, who was appointed to the Malabar department, and which arose in connection with this conflict in the Syro-Jacobite community.

Based on the materials of the Kings College archive in Cambridge, such aspects of the history of the church-missionary presence in British India were studied as interfaith contacts between hierarchs and clergymen of the Church of England and the Syro-Jacobite Church, the interaction of representatives of the Church of England, the Church Missionary Society, the British Administration and the Government of the Principality of Travancore on Malabar coast. The internal problems of the Malabar Church, which served as prerequisites for church disorder, were studied.

The article shows that the "Malabar affair" 1825–1826 was important for further British colonial policy, as the experience of missionary work in Travankor was used to develop the concept of the Anglo-Prussian bishopric in Jerusalem, the activity of which, according to the ideologists of British politics, was to extend not only to the Holy Land, but also to the entire Middle East region.

Keywords: India, Syro-Jacobite Church, Church of England, missionary work, interfaith relations.

References

Bayly S. Hindu Kingship and the Origin of Community: Religion, State and Society in Kerala, 1750–1850. *Modern Asian Studies*, 1984, vol. 18, no. 2, pp. 177–213.

Brock S.P. The Forgotten Bishops. The Malabar Independent Syrian Church and its Place in the Story of the St Thomas Christians (Gorgias Eastern Christian Studies, 20) by John Fenwick. *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*, 2010, vol. 20, no. 4, pp. 553–556.

Browning L.W. *The Indian Christians of St Thomas*. Cambridge, Cambridge University Press, 1956.

Heber R. *Narrative of a journey through the upper provinces of India, from Calcutta to Bombay, 1824–1825, with notes upon Ceylon, an account of a journey to Madras and the southern provinces, 1826, and letters written in India* [ed. by A. Heber]. London, 1828.

Howard J.G. *Half-Brothers in Christ: The Church Missionary Society and the Christians of Kerala, 1813–1840*. Burnaby, Simon Fraser University, 2014.

King's College Archive Centre. Cambridge/0272/PP/GW/4.

Kurien P. The Impact of International Migration on Home Churches: The Mar Thoma Syrian Christian Church in India. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2014, vol. 53, no. 1, pp. 109–129.

Nelyubov B.A. Ancient Eastern Churches. Malabar Church. *Alpha and Omega*, 1999, no. 1 (19), pp. 319–356 (In Russian).

Palmer W. *Aids to reflection on the Established Church, with reference to the Foundation of a «Protestant bishopric» at Jerusalem, recently announced in the Prussian state gazette*. Oxford, John Henry Parker: J. G. F. and J. Rivingston, London, 1841.

Pinnington J. The CMS and the Malabar Church A Question of Cross Purposes. *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*, 1970, vol. 39, no. 4, pp. 389–397.

Smirnova I.Yu. *Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War*. Moscow, Indrik Publishing House, 2015 (In Russian).

Strong R. *Anglicanism and the British Empire (1700–1850)*. Oxford, 2007.

Swanston Ch. A Memoir of the Primitive Church of Malayála, or of the Syrian Christians of the Apostle Thomas, from its first rise to the present time. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1834, vol. 1, no. 2, pp. 171–192.

Swanston Ch. A Memoir of the Primitive Church of Malayála, or of the Syrian Christians of the Apostle Thomas, from its first rise to the present time. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1835, vol. 2, no. 2, pp. 234–247.

Tibawi A.L. *British Interests in Palestine. 1800–1901*. A Study of Religious and Educational Enterprise. Lnd, 1961.

V. Nagam Aiya. *The Travancore State Manual*, 1906.

Velassery S. Faith, Ethnicity and Nationalism: St. Thomas Christians in India. *India International Centre Quarterly*, 2013–2014, vol. 40, no. 3/4, pp. 15–34.